

ОЛИВИЯ ЛИ

ВИШНЁВЫЙ САД
НА ГРОЗОВОМ УТЁСЕ

ПОСЛЕДНЯЯ *весна*

ВТОРОЙ ТОМ

РОМАН

18+

Вишневый сад на Грозном утесе

Ли Оливия

**Вишневый сад на Грозном
утесе. Последняя весна**

«Автор»

2026

Оливия Л.

Вишневый сад на Грозном утесе. Последняя весна / Л. Оливия —
«Автор», 2026 — (Вишневый сад на Грозном утесе)

Он обещал показать ей Англию. Страну старых замков, бескрайнего моря и утёсов, над которыми ветер хранит чужие тайны. Она была уверена, что впереди их ждёт самая счастливая весна. Но она ещё не знала, что именно этой весной судьба впервые попросит их заплатить за свою любовь. Лондон встретит их мечтами. Грозной утёс — испытаниями. А любовь, которой ещё вчера казалось достаточно, впервые столкнётся с ревностью, потерями и выбором, способным навсегда изменить две судьбы. Можно ли сохранить сердце, если мир вокруг начинает рушиться? И хватит ли любви, чтобы пережить свою последнюю весну? Продолжение романа «Там, где цветут вишни». Потому что некоторые истории любви заканчиваются свадьбой. И только самые настоящие — испытаниями.

© Оливия Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	52
Глава 11	62
Глава 12	66
Глава 13	69
Глава 14	74
Глава 15	81
Г	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ли Оливия

Вишневый сад на Грозовом утесе. Последняя весна

Пролог

*А вишни тихо осыпались
Над краем сумрачных высот,
И лепестки в ветру терялись,
Как счастье, хрупкое, как лёд*
Оливия Ли

Когда-то я думал, что мужчину невозможно сломать.
Что достаточно молчать.
Держать слово.
Никогда не показывать слабость.
И тогда никто не увидит, как внутри медленно рушится всё, что ты считал своей жизнью.
Меня учили побеждать.
Никогда не отступать.
Не жаловаться.
Не плакать.
Отец говорил, что настоящий мужчина обязан выдержать любой удар.
Он не сказал только одного.
Что однажды наступает день, когда удар приходит не снаружи.
Он приходит изнутри.
И именно от него невозможно защититься.
Тогда я ещё не знал, что человек может потерять не только тех, кого любит.
Он может потерять самого себя.
И самое страшное в этом не то, что однажды перестаёшь видеть свет.
Самое страшное — когда перестаёшь искать дорогу к нему.
Если бы тогда кто-нибудь сказал мне, какой ценой придётся заплатить за любовь...
Я бы всё равно выбрал её.

Глава 1

Лондон

Лондон встретил нас дождём.

Я улыбнулся.

Наверное, именно таким он и должен был быть.

Без солнца.

Без ярких красок.

Без попытки понравиться.

Этот город никогда никому ничего не доказывал.

Он просто был собой.

Я посмотрел на Оливию.

Она сидела у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и не замечала ничего вокруг. В её изумрудных глазах отражались мокрые улицы, красные автобусы, старые кирпичные дома и тысячи жёлтых огней.

Она улыбалась.

Совсем по-детски.

И в этот момент мне показалось, что я впервые выполнил своё обещание.

Когда-то, ещё в Москве, я сказал ей:

— Однажды я покажу тебе Англию.

Тогда это звучало как мечта.

Теперь эта мечта медленно проплывала за окном такси.

Я поймал себя на мысли, что смотрю не на город.

На неё.

Наверное, человек взрослеет именно тогда, когда чужое счастье становится важнее собственного.

Я хотел запомнить её такой.

С растрёпанными после перелёта рыжими волосами.

Без косметики.

Уставшей.

Счастливой.

Я ещё не знал, что память иногда становится единственным местом, где можно сохранить то, что жизнь однажды отнимет.

Поэтому просто смотрел.

И молчал.

Такси медленно катилось по мокрым улицам.

Дворники размеренно стирали с лобового стекла дождевые капли, и город то появлялся перед глазами, то снова растворялся в прозрачной дымке.

— Смотри... — тихо сказала Оливия.

Я повернул голову.

Красный автобус.

Первый, который она увидела вживую.

Она улыбнулась так искренне, словно встретила старого друга.

— Они действительно такие красивые...

Я усмехнулся.

— Подожди, это только начало.

Через несколько минут показались старые викторианские дома. Один за другим тянулись одинаковые фасады из тёмного кирпича, белые колонны у входов, кованые балконы, чёрные двери с латунными ручками.

Лондон никогда не пытался удивлять.

Он просто жил.

И этим покорял.

— Совсем другой... — почти шёпотом сказала она.

— Какой?

Она долго молчала.

— Настоящий.

Я улыбнулся.

Именно поэтому я любил этот город.

Он никогда не притворялся.

Здесь никто не старался выглядеть счастливее, богаче или успешнее.

Дождь шёл так же спокойно, как сто лет назад.

Автобусы ехали теми же улицами.

Часы отсчитывали время так же медленно.

И людям здесь словно не нужно было никому ничего доказывать.

Я часто думал, что если бы города были людьми, Лондон оказался бы человеком, который умеет молчать.

— О чём задумался? — спросила Оливия.

Я посмотрел на неё.

— О том, что ты сейчас влюбишься.

Она удивлённо подняла брови.

— В Англию?

— Нет.

Я улыбнулся.

— В Лондон.

Она тихо рассмеялась.

— А есть разница?

— Огромная.

Такси свернуло на набережную.

И вдруг, между старых домов, показалась Темза.

Широкая.

Спокойная.

Свинцово-серая.

Она несла свои воды так же неторопливо, как несла их сотни лет назад.

Оливия затаила дыхание.

— Денис...

— Да, милая?

Она медленно повернулась ко мне.

В её изумрудных глазах отражалась Темза.

Удивлённая, почти детская улыбка коснулась губ.

Она привычным движением убрала за ухо выбившуюся рыжую прядь, которую ветер снова тут же вернул обратно.

Я едва заметно улыбнулся.

Наверное, за это я и любил её больше всего.

Она никогда не замечала, какой была красивой в такие моменты.

Когда переставала думать о себе.

Когда просто смотрела на мир широко раскрытыми глазами.
— Она совсем не такая... — тихо сказала Оливия.
— Кто?
— Англия...
Она снова посмотрела в окно.
— На фотографиях она казалась другой.
Я проследил за её взглядом.
— И какая она теперь?
Она улыбнулась, не отрывая взгляда от окна.
— Ещё не знаю...
Она на секунду замолчала.
— Но очень хочу узнать.
Я тихо рассмеялся.
— Тогда у нас впереди много работы.
Она удивлённо посмотрела на меня.
— Почему?
— Потому что настоящий Лондон никогда не показывает себя сразу.
Ему нужно научиться доверять.
И только потом он начинает открывать свои тайны.
Она долго молчала.
Иногда человеку не нужны слова.
Достаточно просто увидеть, как сбывается его собственная мечта.
И, наверное, именно тогда я впервые понял одну странную вещь.
Оказывается, счастье может выглядеть совсем просто.
Оно сидит рядом.
Смотрит в окно.
И крепко держит тебя за руку, даже не замечая этого.

Глава 2

Наше утро

Меня разбудил дождь.

Я не сразу открыл глаза.

Несколько секунд просто лежал, прислушиваясь к тому, как мелкие капли тихо перебирают подоконник.

В Лондоне дождь никогда не шумел.

Он разговаривал.

Я повернул голову.

Оливия ещё спала.

Она лежала, свернувшись клубочком и подтянув ладони под щеку, как ребёнок. Рыжие волосы разметались по белой подушке, и в утреннем полумраке казались почти золотыми.

Во сне она всегда выглядела моложе.

Спокойнее.

Будто все тревоги остались где-то очень далеко.

Я осторожно убрал прядь, упавшую ей на лицо.

Она едва заметно улыбнулась, не просыпаясь.

Я замер.

Иногда мне казалось, что даже во сне она чувствует, когда я рядом.

Тихо поднявшись с кровати, я прикрыл дверь спальни.

На кухне поставил чайник.

Квартира ещё пахла новой мебелью, свежей краской и кофе, который мы купили вчера вечером в маленькой лавке неподалёку.

За окном медленно просыпался город.

По мокрой улице неторопливо проехал красный автобус.

Пожилый мужчина открыл газетный киоск.

Возле пекарни уже выстроилась небольшая очередь.

Лондон жил своей обычной жизнью.

И это почему-то успокаивало.

Я достал две кружки.

Одну поставил перед собой.

Вторую — рядом.

И только потом улыбнулся.

Она ведь ещё спит.

Раньше я никогда не замечал подобных вещей.

Теперь без них утро казалось неправильным.

Чайник тихо щёлкнул.

В этот момент за спиной послышались осторожные шаги.

— Доброе утро...

Я обернулся.

Оливия стояла в дверях.

На ней был мой тёмный свитер, который доходил почти до середины бедра.

Рукава полностью скрывали ладони.

Она смешно пыталась убрать волосы с лица, но непослушные рыжие локоны снова сыпались по щекам.

— Доброе.

— Ты давно встал?

— Не очень.

Она подошла ближе.

Сразу протянула руки к кружке.

— Осторожно.

— Почему?

— Горячая.

Она всё равно сделала маленький глоток.

И тут же тихо ойкнула.

— Горячая...

Я рассмеялся.

— Я же сказал.

Она посмотрела на меня поверх кружки.

— Не сказал.

— Конечно сказал.

— Нет.

— Ты просто не слушала.

Она несколько секунд делала вид, что серьёзно обдумывает мои слова.

Потом тихо рассмеялась.

— Возможно.

Я поставил перед ней тарелку с ещё тёплыми круассанами.

Она сразу потянулась за одним.

— Подожди.

— Что?

— Варенье.

— Я и без него люблю.

— Знаю.

Она улыбнулась.

Я поймал себя на том, что уже несколько минут смотрю не на завтрак.

На неё.

На то, как она осторожно держит кружку двумя ладонями.

Как смешно морщит нос, когда чай оказывается слишком горячим.

Как задумчиво смотрит в окно, забывая, что собиралась что-то сказать.

Наверное, человек начинает по-настоящему любить именно тогда, когда запоминает такие мелочи.

— Почему ты улыбаешься?

Я не сразу понял, что она обращается ко мне.

— Разве улыбаюсь?

— Да.

Она внимательно посмотрела мне в глаза.

— И уже давно.

Я пожал плечами.

— Просто хорошо.

Она ничего не ответила.

Только на секунду коснулась моей руки.

Совсем легко.

Как будто этого было достаточно.

После завтрака она молча открыла лежавшую на столе папку.

Вчера вечером она даже не притронулась к ней.

Я сразу понял почему.

Не хотела портить первый день документами.

Она медленно перелистывала бумаги.

Письмо университета.

Программа стажировки.

Пропуск.

Расписание.

Я подошёл ближе.

— Уже сегодня?

Она кивнула.

— В десять.

Голос прозвучал спокойнее, чем выглядело её лицо.

Она нервничала.

Очень.

Я видел это по тому, как она несколько раз подряд поправила идеально ровно лежащие листы.

Всегда так делала, когда волновалась.

— Страшно?

Она честно кивнула.

— Немного.

— Это нормально.

Она подняла голову.

— Правда?

— Конечно.

Я улыбнулся.

— Значит, тебе не всё равно.

Она долго смотрела на меня.

Потом тихо выдохнула.

— Спасибо.

Я только хотел ответить, как взгляд упал на часы.

Без пятнадцати девять.

Она тоже заметила.

— А ты?

— Что?

— Сегодня тоже куда-то идёшь.

Я кивнул.

На стуле ещё с вечера висел тёмный пиджак.

Рядом лежала папка с медицинскими записями.

Несколько книг.

И аккуратно сложенное расписание.

Она посмотрела сначала на бумаги.

Потом на меня.

— Уже скоро?

— Да.

— Волнуешься?

Я усмехнулся.

— Немного.

Она рассмеялась.

— Не верю.

— Почему?

— Потому что доктор Северин никогда не волнуется.
Я улыбнулся.
Если бы ты знала...
Но вслух этого не сказал.
Она подошла совсем близко.
Поправила воротник моего пальто.
Потом, не говоря ни слова, стряхнула с плеча невидимую пылинку.
Я осторожно расправил её шарф.
Он всё время съезжал набок.
Она подняла на меня глаза.
— Готов?
Я посмотрел на неё.
— Нет.
Она улыбнулась.
— Я тоже.
Мы одновременно рассмеялись.
Потом вышли из квартиры, закрыли дверь и молча спустились по лестнице.
Возле станции метро остановились.
Ей — направо.
Мне — налево.
Она уже сделала несколько шагов, когда вдруг обернулась.
Помахала рукой.
Я поднял ладонь в ответ.
И ещё долго смотрел ей вслед.
Пока рыжие волосы не растворились в утренней лондонской толпе.

Глава 3

Первый день

Когда двери метро закрылись, Денис ещё стоял на платформе.
Он улыбнулся.
Поднял руку.
Я улыбнулась в ответ.
Поезд плавно тронулся.
Через несколько секунд его силуэт исчез за поворотом тоннеля.
И только тогда я поняла, что впервые за долгое время осталась одна.
Не потому, что он ушёл.
Просто у каждого из нас начинался свой день.
Я достала из сумки сложенный листок с адресом университета.
Хотя знала его почти наизусть.
Наверное, так всегда бывает, когда волнуешься.
Хочется ещё раз убедиться, что ничего не перепутал.
Поезд остановился.
Я поднялась по длинному эскалатору и вышла на улицу.
Лондон снова встретил меня прохладным ветром.
Небо было затянуто облаками.
На мокрой мостовой блестели отражения старых фонарей.
Люди быстро проходили мимо, прячась под зонтами.
Никто ни на кого не смотрел.
И почему-то именно это успокаивало.
Через несколько минут показались старые университетские корпуса.
Я остановилась.
Высокие башни из светлого камня.
Арочные окна.
Старинные часы.
Широкий внутренний двор, по которому неторопливо шли студенты.
На мгновение мне показалось, что я оказалась внутри какого-то английского романа.
Я глубоко вдохнула.
И вдруг вспомнила папу.
— Не бойся мечтать, Оливия.
— Мир гораздо больше нашего города.
Однажды ты обязательно его увидишь.
Я невольно улыбнулась.
— Кажется, увидела...
От этой мысли стало неожиданно спокойно.
Когда-то мне казалось, что весь мир заканчивается за пределами нашего маленького города.
Потом появилась Москва.
Она научила меня не бояться больших улиц, метро и бесконечного потока людей.
Теперь передо мной открывался ещё один мир.
И впервые я не чувствовала себя в нём чужой.
Я поднялась по каменным ступеням.
В просторном холле уже собирались студенты.
Кто-то разговаривал по-французски.

Совсем рядом смеялись двое итальянцев.
За моей спиной кто-то поздоровался по-немецки.
Я слышала английскую речь со всех сторон, но вдруг поймала себя на мысли, что больше не прислушиваюсь к каждому слову, боясь что-то не понять.
Ещё несколько лет назад это показалось бы невозможным.
Возле стойки регистрации девушка в университетском пиджаке улыбнулась мне.
— Good morning. Your name?
— Olivia Vishnevskaya.
Она быстро нашла мою фамилию в списке.
Протянула пластиковую карточку с фотографией.
— Welcome.
Я поблагодарила и взяла пропуск.
Небольшой кусочек пластика неожиданно оказался тяжелее, чем выглядел.
Он означал гораздо больше, чем просто право войти в аудиторию.
Он означал, что мечта перестала быть мечтой.
Теперь она стала частью моей жизни.
— Excuse me...
Я обернулась.
Рядом стояла невысокая темноволосая девушка.
— Ты тоже по программе обмена?
Я улыбнулась.
— Да.
Она облегчённо выдохнула.
— Отлично.
Значит, я сегодня не одна, кто ничего не понимает.
Мы обе рассмеялись.
И в этот момент волнение наконец отпустило.
Наверное, новый мир становится немного ближе тогда, когда в нём появляется первый человек, который улыбается тебе так же растерянно, как и ты ему.
Мы вместе поднялись по широкой каменной лестнице.
— Я — Лена, — представилась девушка, легко закидывая за спину длинные тёмные волосы. — Барселона.
— Оливия.
— Россия?
— Да.
— Тогда я угадала по акценту.
Она улыбнулась так открыто, словно мы были знакомы уже давно.
Мы вошли в просторную аудиторию.
Высокие окна почти до самого потолка пропускали мягкий утренний свет. Старые деревянные парты были исписаны десятками поколений студентов, а вдоль стен тянулись книжные шкафы, заполненные толстыми томами в кожаных переплётах.
Мне вдруг захотелось провести ладонью по этим книгам.
Представить, сколько людей открывали их до меня.
Сколько судеб начиналось именно здесь.
Постепенно аудитория заполнялась.
Китай.
Италия.
Польша.
Франция.

Канада.

Я никогда прежде не видела столько разных людей в одном месте.

И все они приехали сюда по той же причине, что и я.

Учиться.

Мечтать.

Начинать новую жизнь.

Ровно в десять часов в аудиторию вошёл пожилой профессор.

Высокий.

Седой.

В идеально сидящем твидовом пиджаке.

Он положил папку на кафедру и внимательно посмотрел на нас поверх круглых очков.

— Добро пожаловать.

Он говорил спокойно, неторопливо, с тем самым английским произношением, которое ещё совсем недавно казалось мне почти невозможным для понимания.

Теперь я ловила почти каждое слово.

И это удивило меня сильнее всего.

Неужели ещё год назад я боялась заговорить с незнакомым человеком?

Профессор рассказывал о программе стажировки, о факультете, о библиотеке, которой больше трёхсот лет, о традициях университета.

Я записывала каждую мелочь.

Не потому, что боялась забыть.

Потому что хотелось сохранить этот день целиком.

Иногда человек чувствует, что именно такие дни потом вспоминаются всю жизнь.

Когда лекция закончилась, студентов пригласили на экскурсию по университету.

Мы вышли во внутренний двор.

Посреди него рос огромный платан.

Такой старый, что его ствол не смогли бы обхватить даже три человека.

Вокруг дерева сидели студенты.

Кто-то читал.

Кто-то спорил.

Кто-то смеялся.

Жизнь здесь текла удивительно спокойно.

Без спешки.

Без суеты.

И вдруг я поймала себя на мысли, что впервые за долгое время совсем не думаю о том, правильно ли говорю по-английски.

Не думаю о том, что обо мне подумают.

Не боюсь ошибиться.

Наверное, именно это и называют взрослением.

Когда перестаёшь постоянно доказывать миру, что имеешь право быть рядом с ним.

И просто начинаешь жить.

Я достала телефон.

На экране уже ждало сообщение.

«Как проходит первый день?»

Я улыбнулась.

Даже не нужно было смотреть имя отправителя.

«Кажется, я начинаю влюбляться в этот университет.»

Ответ пришёл почти сразу.

«Не торопись.

Я всё ещё ревную.»

Я тихо рассмеялась.

Лена вопросительно посмотрела на меня.

— Что?

— Ничего.

Просто... дома всё хорошо.

Глава 4

Последний курс

Медицинский корпус почти не изменился.

Те же высокие окна.

Тот же запах старых книг, антисептика и крепкого кофе.

Даже каменные ступени под ногами скрипели так же, как пять лет назад, когда я впервые переступил этот порог.

Тогда мне казалось, что врач — это просто профессия.

Теперь я понимал, что ошибался.

Это образ жизни.

Здесь нельзя снять белый халат и перестать быть врачом.

Этому учили с первого курса.

Каждый день.

Каждой лекцией.

Каждой бессонной ночью.

— Доброе утро, Северин.

Я обернулся.

Навстречу шёл профессор Хэмилтон.

Высокий, седой, с неизменной тростью и той особенной осанкой, которая сразу выдавала военного врача старой школы.

— Доброе утро, профессор.

Он остановился возле меня.

Несколько секунд внимательно смотрел мне в глаза.

Потом едва заметно улыбнулся.

— Рад видеть вас снова.

Надеюсь, за лето вы не забыли анатомию.

— Боюсь, она не позволила бы мне этого сделать.

Профессор тихо усмехнулся.

— Хороший ответ.

Пойдёмте.

Сегодня у вас будет возможность это доказать.

...

К полудню аудитории сменились операционным блоком.

Я уже давно перестал воспринимать запах больницы как что-то особенное.

Он стал привычным.

Как запах дождя на улицах Лондона.

Как утренний кофе.

Как страницы медицинских атласов.

Мы стояли полукругом вокруг операционного стола.

Профессор спокойно объяснял ход операции.

Никто не произносил лишних слов.

В хирургии вообще редко говорят без необходимости.

Каждое движение должно иметь смысл.

Каждая секунда — цену.

Я поймал себя на мысли, что именно за это когда-то полюбил медицину.

Здесь невозможно обмануть.

Можно нравиться людям.

Можно производить впечатление.

Можно казаться умнее.

Но перед человеческим сердцем все становятся одинаковыми.

Оно не признаёт титулов.

Не признаёт фамилий.

Не признаёт денег.

Только знания.

И ответственность.

— Северин.

Я поднял голову.

Профессор протянул мне инструмент.

— Продолжайте.

Несколько секунд в операционной стояла абсолютная тишина.

Я чувствовал на себе взгляды однокурников.

Но думал совсем о другом.

О человеке, который лежал перед нами.

О том, что сегодня его жизнь зависит от десятков правильных решений.

И права на ошибку нет.

...

Когда занятия закончились, я вышел во внутренний двор университета.

Лондон встретил привычной прохладой.

Я машинально посмотрел на часы.

Половина четвёртого.

До встречи с Оливией оставалось чуть больше часа.

Я достал телефон.

На экране уже ждало сообщение.

«Кажется, я нашла библиотеку, из которой меня придётся выгонять силой.»

Я улыбнулся.

Так мог написать только один человек.

«Тогда не выходи.

Я сам тебя найду.»

Ответ пришёл почти сразу.

«Договорились »

Я убрал телефон в карман и вдруг понял, что улыбаюсь.

Наверное, счастье действительно состоит из странных вещей.

Из коротких сообщений.

Из ожидания вечера.

Из человека, который за несколько слов способен превратить самый тяжёлый день в хороший.

— Северин!

Я поднял голову.

Через университетский двор ко мне быстрым шагом приближался высокий светловолосый парень.

— Неужели решил вернуться?

Я рассмеялся.

— Похоже на то.

Он крепко пожал мне руку.

— В пятницу собираемся в клубе.

Половина курса будет там.

Ты обязан прийти.
— Посмотрим.
— Даже не начинай.
И, кстати...
Он усмехнулся.
— Виктория тоже вернулась.
Я спокойно посмотрел на него.
— Рад за неё.
Он вопросительно поднял бровь.
— Только рад?
— А должны быть другие чувства?
Несколько секунд он молчал.
Потом рассмеялся.
— Всё такой же.
— Какой?
— Северин.
Именно Северин.
Ничего тебя не меняет.
Если бы он только знал, насколько ошибался!
Я посмотрел на часы.
Без десяти пять.
Она написала, что нашла библиотеку.
Я усмехнулся.
Другого ответа я и не ожидал.
За пять лет в Лондоне я успел изучить университет почти так же хорошо, как собственный дом.
И поэтому даже не сомневался, где искать Оливию.
...
Библиотека встретила привычной тишиной.
Высокие готические окна пропускали мягкий вечерний свет.
Пахло старой бумагой, деревом и временем.
Здесь всегда казалось, что часы идут немного медленнее.
Я медленно прошёл между длинными книжными стеллажами.
На первом этаже её не оказалось.
Я поднялся по узкой винтовой лестнице.
На втором этаже было почти пусто.
Несколько студентов сидели, склонившись над книгами.
Кто-то работал за ноутбуком.
В дальнем углу тихо перелистывали старый атлас.
Я уже хотел пройти дальше, когда увидел знакомые рыжие волосы.
Она сидела возле высокого окна.
Перед ней лежали раскрытые книги.
Несколько листов с записями.
И большая карта старого Лондона.
Она даже не заметила, что я вошёл.
Полностью ушла в чтение.
Я остановился.
Не стал сразу подходить.
Почему-то захотелось просто посмотреть на неё.

Она медленно перевернула страницу.
Что-то подчеркнула карандашом.
Потом задумчиво прикусила губу.
Через секунду привычным движением убрала выбившуюся прядь волос за ухо.
Она всегда так делала, когда пыталась сосредоточиться.
Я невольно улыбнулся.
Библиотека уже успела взять в плен ещё одного человека.
Теперь Оливия принадлежала ей.
— Простите...
Тихий голос библиотекаря заставил меня обернуться.
Пожилый мужчина вопросительно посмотрел сначала на меня, потом на Оливию.
И, едва заметно улыбнувшись, почти шёпотом произнёс:
— Боюсь, она не заметит вас ещё как минимум час.
Я тихо рассмеялся.
— Знаю.
Он понимающе кивнул.
— Тогда, возможно, вам стоит её спасти.
Иначе сегодня она забудет не только про ужин.
Я снова посмотрел на Оливию.
Пожалуй...
Он был прав.
Я подошёл ближе.
Остановился рядом со столом.
Она всё ещё не замечала меня.
Я осторожно постучал пальцами по деревянной столешнице.
Она вздрогнула.
Подняла голову.
И её лицо мгновенно озарила улыбка.
— Денис!
— Кажется, я обещал найти тебя.
Она рассмеялась.
— А я совсем потеряла счёт времени.
Я посмотрел на раскрытые книги.
— Я вижу.
— Ты только посмотри...
Она сразу подвинула ко мне огромный старинный альбом.
— Этой книге почти двести лет!
Я наклонился над страницами.
Но смотрел совсем не на книгу.
А на неё.

Глава 5

Чужой мир

— Ты готова? — спросил Денис, закрывая дверь квартиры.

Оливия посмотрела на него и честно покачала головой.

— Нет.

Он улыбнулся.

— Тогда всё правильно.

— Почему?

— Потому что если человек совсем не волнуется перед первым знакомством, значит, он либо очень смелый, либо плохо понимает, куда идёт.

— А я?

Денис на секунду задержал на ней взгляд.

— Ты просто хочешь всем понравиться.

Она смущённо улыбнулась.

— Это так заметно?

— Только мне.

Автомобиль плавно остановился перед старинным особняком.

Он совсем не походил на клуб в привычном понимании Оливии. Никакой яркой вывески, громкой музыки, толпы у входа. Только тёмный камень фасада, высокие арочные окна, колонны и мягкий золотой свет за стеклом.

Швейцар распахнул дверь ещё до того, как они поднялись по ступеням.

— Добрый вечер, мистер Северин. Рады видеть вас снова.

— Добрый вечер, Джеймс. Спасибо.

Оливия едва заметно повернула голову к Денису.

Его здесь знали.

Не просто знали. Ждали.

Внутри было тихо и дорого.

Старинные люстры, тёмное дерево, картины в тяжёлых рамах, приглушённые голоса. Люди разговаривали небольшими компаниями, смеялись негромко, легко держали бокалы и двигались так спокойно, будто с рождения знали правила этого мира.

Дениса окликнули почти сразу.

— Северин!

— Денис!

— Неужели вернулся?

Он улыбался, жал руки, кого-то обнимал, отвечал на вопросы, переходил с русского на английский так легко, словно это было одним дыханием.

Оливия стояла рядом и вдруг поняла: она действительно почти ничего не знает о той части его жизни, которая была до неё.

Здесь он был своим.

Абсолютно.

У большого окна стояли три девушки.

Но взгляд Оливии сразу остановился на одной.

Высокая. Стройная. С безупречной осанкой и длинной шеей. Светлые волосы цвета спелой пшеницы были собраны в свободный низкий узел, из которого будто случайно выбились несколько прядей. На ней было длинное платье цвета тёмного сапфира, тонкие серьги с жемчугом и старинный браслет на запястье.

Она выглядела так, словно никогда в жизни не сомневалась, что принадлежит этому месту.

Девушка что-то рассказывала подругам, но вдруг замолчала.

Она увидела Дениса.

Её лицо мгновенно просияло.

— Смотрите Это же Северин.

Подруги обернулись.

Потом одна из них заметила Оливию.

— А это кто?

Светловолосая девушка несколько секунд смотрела на неё.

Внимательно.

Спокойно.

Без явного презрения.

Но от этого взгляда Оливии почему-то стало не по себе.

— Не знаю, — тихо сказала она.

— Симпатичная, — заметила другая.

— Да, — ответила светловолосая. — Но рядом с Денисом я всегда представляла другую женщину.

— Какую?

Она чуть улыбнулась.

— Его уровня.

Оливия почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

Они говорили негромко.

Но достаточно, чтобы она услышала.

— Может, это ненадолго, — сказала одна из девушек.

Светловолосая не сразу ответила.

Она всё ещё смотрела на Дениса.

Потом перевела взгляд на Оливию.

— Не думаю. Если Денис привёл её сюда, значит, она для него важна.

Пауза.

— Но иногда любви недостаточно, чтобы стать частью чужого мира.

После этих слов она поставила бокал на столик и направилась к ним.

— Денис!

Она подошла быстро, почти не замечая никого вокруг, и крепко обняла его.

— Господи Ты всё-таки приехал. Я уже начала думать, что ты окончательно решил остаться в России.

Денис рассмеялся.

Искренне.

Тепло.

Так смеются людям, с которыми связано слишком много прошлого.

— Вик

Он слегка отстранил её, чтобы рассмотреть.

— Сколько же мы не виделись?

— Почти год.

Она коснулась его щеки ладонью.

— Ты совсем не изменился.

— Врёшь.

— Нет. Только стал ещё серьёзнее.

Оливия стояла рядом и молчала.

Эти двое действительно знали друг друга давно.

Это чувствовалось в каждом движении. В улыбке. В том, как свободно Виктория произнесла его имя. В том, как Денис был рад её видеть.

И почему-то именно это оказалось больше, чем любая грубость.

Лишь через несколько секунд Виктория словно вспомнила, что он пришёл не один.

Она медленно перевела взгляд на Оливию.

— Прости Я даже не заметила, что ты не один.

Денис сразу сделал шаг к Оливии и взял её за руку.

— Познакомься. Это Оливия.

Потом повернулся к ней:

— Оливия, это Виктория. Мы знаем друг друга с детства. Наши родители дружили ещё в России. Вик для меня почти семья.

Виктория протянула руку.

— Очень приятно познакомиться.

— Мне тоже, — ответила Оливия.

Ладонь у Виктории была прохладной и мягкой.

Её улыбка — безупречной.

— Добро пожаловать в Лондон, Оливия.

— Спасибо.

— Надеюсь, он окажется к тебе добр.

Фраза прозвучала почти ласково.

Но Оливия почему-то услышала в ней не пожелание.

Предупреждение.

К Денису снова подошли друзья. Кто-то обнял его за плечи, кто-то сказал, что его давно ждут у камина, кто-то начал спрашивать про университет.

Он на секунду посмотрел на Оливию.

— Я сейчас.

Она кивнула.

— Конечно.

И вдруг осталась рядом с Викторией и двумя её подругами.

— Ты впервые в Англии? — спросила Виктория.

— Да.

— Тогда тебе здесь многое покажется непривычным.

— Уже кажется.

Девушки улыбнулись.

Вежливо.

Слишком вежливо.

— Не переживай, — сказала Виктория. — Ко всему привыкают. Даже к таким вечерам.

Разговор почти сразу вернулся к ним.

Они обсуждали скачки в Аскоте, игру в поло, благотворительный аукцион в чьём-то фамильном поместье, летние приёмы и людей, чьи имена для Оливии ничего не значили.

Она слушала и всё отчётливее понимала: дело не в языке.

Она понимала слова.

Но не понимала мира, в котором эти слова были обычной частью жизни.

— Денис будет играть? — спросила одна из девушек.

Виктория улыбнулась.

— Если удастся его уговорить. Он всегда говорил, что поло слишком похоже на шахматы верхом.

Все рассмеялись.

Оливия тоже улыбнулась.
Только потому, что улыбались остальные.
Она впервые услышала, что Денис играет в поло.
Он никогда не рассказывал ей об этом.
Наверное, для него это было так же естественно, как для неё когда-то летом ездить к бабушке.
— Ты ведь тоже поедешь? — вдруг спросила Виктория.
— Куда?
— На скачки.
Пауза.
— Если, конечно, тебе будет интересно.
Последние слова были сказаны мягко.
Почти заботливо.
Но именно в них Оливия вдруг услышала главное.
Виктория не верила, что ей может быть интересно.
Не верила, что она сможет понять.
Не верила, что она останется.
В этот момент Денис вернулся.
Он нашёл её взглядом почти сразу, будто всё это время действительно помнил, где она стоит.
Подожёл, коснулся её руки.
— Всё хорошо?
Оливия улыбнулась.
— Да.
Виктория посмотрела на них.
На то, как естественно Денис взял Оливию за руку.
Как чуть наклонился к ней, слушая ответ.
Как его лицо стало мягче.
И впервые за весь вечер её безупречная улыбка дрогнула.
Совсем чуть-чуть.
Так, что это заметила только Оливия.
Денис повернулся к Виктории:
— Вик, мы подойдём позже.
— Конечно.
Она улыбнулась.
— Весь вечер впереди.
Денис увёл Оливию к другой группе гостей.
А Виктория осталась у окна.
Одна из подруг тихо спросила:
— Ну?
Виктория не сразу ответила.
Она смотрела на Дениса и Оливию.
Долго.
Очень спокойно.
Потом взяла бокал и сказала почти равнодушно:
— Она не понимает, куда попала.
— А если понимает?
Виктория чуть улыбнулась.
— Тогда ей будет ещё труднее.

— Почему? — не поняла одна из девушек.

Виктория спокойно отпила шампанское.

— Бедная овечка. Потому что она ещё не понимает, в какой мир вошла.

И, боюсь...

этот мир её не пожалеет.

И снова посмотрела на Дениса.

Глава 6

Город, который я хотел тебе показать

Удивительно...

За столько лет Лондон почти не изменился.

Те же красные автобусы.

Те же чёрные кэбы.

Тот же запах дождя, мокрого камня и свежесваренного кофе по утрам.

Изменился только я.

Раньше я всегда куда-то спешил.

На лекции.

В больницу.

На встречи.

Домой.

Теперь впервые за долгое время мне не хотелось никуда торопиться.

Потому что рядом была она.

Проснулся я раньше обычного.

Оливия ещё спала.

Я осторожно убрал непослушную прядь за её ухо.

Она что-то тихо пробормотала и крепче прижала к себе подушку.

— Спи, — прошептал я.

На кухне уже шумел чайник.

Через несколько минут квартира наполнилась запахом свежего кофе и горячих тостов.

Я только поставил кружки на стол, когда услышал за спиной сонный голос.

— Доброе утро...

Она стояла босиком в моей футболке, которая доходила ей почти до колен, сонно потирая глаза.

И каждый раз, когда я видел её такой домашней, уютной, настоящей, мне становилось страшно.

Потому что именно таких людей боишься потерять больше всего.

— Доброе утро, соня.

Она подошла ближе.

— Сегодня университет?

Я покачал головой.

— Сегодня у тебя выходной.

— Правда?

— Абсолютно.

— А у тебя?

— Я его себе устроил.

Она подозрительно прищурилась.

— Северин...

Что ты задумал?

Я рассмеялся.

— Сегодня будет самый важный урок за всё время твоей стажировки.

— Даже так?

— Да.

— И чему же меня будут учить?

Я подошёл к ней, взял её ладонь и легко коснулся губами кончиков пальцев.

— Сегодня я покажу тебе свой Лондон.
Мы не стали садиться в машину.
Перешли дорогу.
Прямо напротив нашего дома пряталась маленькая булочная с деревянной вывеской:
«The Flour Pot»
Колокольчик над дверью весело звякнул.
Внутри пахло свежей выпечкой, сливочным маслом, корицей и настоящим английским чаем.
За прилавком стояла пожилая женщина.
Увидев меня, она широко улыбнулась.
— Mister Severin...
Long time no see.
— Good morning, Mrs. Thompson.
Она перевела взгляд на Оливию.
Потом снова на меня.
И понимающе улыбнулась.
— Значит, это и есть та самая девушка?
Я почувствовал, как Оливия вопросительно посмотрела на меня.
— Какая ещё "та самая"? — тихо спросила она по-русски.
Я сделал вид, что не услышал.
— Для вашей гостии только одно, — уверенно сказала миссис Томпсон. — Настоящие девонские сконы.
И обязательно чай.
Через несколько минут перед нами уже стояли две белые фарфоровые чашки, маленький чайник, густые девонские сливки, клубничный джем, сливочное масло и ещё тёплые золотистые булочки.
Оливия осторожно разломил одну.
Рассыпчатое тесто ещё дышало теплом.
Она намазала масло.
Потом сливки.
Потом немного джема.
Попробовала.
Замерла.
Закрыла глаза.
Я терпеливо ждал.
Она медленно открыла их и совершенно серьёзно сказала:
— Всё.
Я остаюсь жить в Англии.
Я рассмеялся.
— Даже меня бросишь?
Она сделала вид, что задумалась.
— Нет...
Но по этим булочкам буду скучать сильнее всего!
— Вот оно как...
Не успел привезти девушку в Лондон, как меня уже променяли на выпечку.
Она звонко рассмеялась.
Потом вдруг взяла блюдо двумя пальцами, чуть отставила мизинец и с самым важным видом сделала маленький глоток чая.
— Ну как? — спросила она.

Я сделал вид, что внимательно её рассматриваю.

Потом совершенно серьёзно кивнул.

— Очень.

— Что — очень?

— Очень по-английски.

— Правда?

— Не хватает только фамильного замка и титула.

Она театрально выпрямила спину ещё сильнее.

— Леди Оливия Вишневская.

— Звучит убедительно.

— А я похожа на аристократку?

Я не выдержал и рассмеялся.

— Сейчас — невероятно.

Она тоже не смогла сдержать смех.

Миссис Томпсон, наблюдавшая за нами из-за прилавка, только покачала головой.

— Young love...

И почему-то от этих двух простых слов стало особенно тепло.

Когда мы вышли на улицу, Оливия привычно оглянулась в поисках машины.

Потом удивлённо посмотрела на меня.

— А где ваш Aston Martin, Джемс Бонд?

Я сделал серьёзное лицо.

— Сегодня у него официальный выходной.

— Правда?

— Конечно.

Сегодня мы с тобой обычные студенты.

Она улыбнулась.

— Мне нравится быть обычной.

— Мне тоже.

Я взял её за руку.

— Пойдём.

— Куда?

— В метро.

Она удивлённо подняла брови.

— Северин...

Ты сейчас серьёзно?

— Более чем.

— А я думала, ты устроишь мне экскурсию по Лондону на своей красивой машине.

Я покачал головой.

— Если возить тебя по городу в машине, ты увидишь только улицы.

А я хочу, чтобы ты почувствовала Лондон.

Чтобы услышала, как по утрам играет скрипач в переходе.

Чтобы почувствовала запах кофе на станциях.

Чтобы увидела людей.

Именно из таких мелочей и складывается настоящий город.

Она несколько секунд молча смотрела на меня.

Потом улыбнулась той самой улыбкой, из-за которой мне всегда хотелось улыбаться в ответ.

— Хорошо.

Я согласна.

— Вот и отлично.
— И сколько стоят услуги такого экскурсовода?
Я задумчиво посмотрел вверх, словно что-то подсчитывал.
— Один поцелуй.
Она рассмеялась.
— Всего один?
— Пока один.
Но экскурсия длинная.
Так что, возможно, придётся доплачивать.
— Это грабёж.
— Нет.
Это семейный тариф.
Она покачала головой.
— Ты ужасный человек, Северин.
— Зато честный.
Она сделала шаг ко мне.
Поднялась на цыпочки.
И быстро поцеловала меня в щёку.
— Достаточно?
Я сделал вид, что глубоко задумался.
— Нет.
Но для начала экскурсии сойдёт.
Она тихо засмеялась.
— Какой же ты невозможный...
Я переплёл наши пальцы.
— Пойдём, Лисёнок.
Сегодня я покажу тебе город, в котором вырос.
И мы вместе начали спускаться по длинной лестнице лондонского метро.
Мне вдруг подумалось, что, наверное, настоящее счастье выглядит именно так.
Без роскоши.
Без громких слов.
Когда любимый человек просто идёт рядом.
Держит тебя за руку.
И впереди у вас — целый день.
Лондонское метро оказалось совсем не таким, каким Оливия представляла его по фотографиям.
Обычным.
Живым.
Люди читали книги, газеты, кто-то негромко разговаривал, кто-то, не обращая внимания ни на кого, слушал музыку.
Поезд мягко качнулся.
Двери закрылись.
Оливия украдкой посмотрела на схему линий.
— Никогда не думала, что метро может быть таким маленьким.
— Это потому, что ты ещё не видела его в час пик, — усмехнулся я.
Она тихо рассмеялась.
— Не разрушай сказку.
Я сделал вид, что задумался.
— Хорошо. Тогда договорились. Сегодня ты увидишь только красивый Лондон.

— А некрасивый?
— Его мы оставим на потом.
Поезд вынырнул из тоннеля.
Через несколько минут мы уже шли по аллеям Сент-Джеймского парка.
Утро только начиналось.
Солнце осторожно пробивалось сквозь листву старых платанов.
По дорожкам неторопливо бегали люди.
Пожилые англичане выгуливали собак.
На зеркальной глади озера лениво покачивались белые лебеди.
— Господи... — тихо прошептала Оливия. — Здесь как в кино.
— Нет.
Я улыбнулся.
— В кино пытаются быть похожими на Лондон.
Она посмотрела на меня.
— Ты любишь этот город?
Я не ответил сразу.
Наверное, впервые за много лет задумался над этим вопросом.
— Раньше мне казалось, что люблю.
Она удивлённо подняла глаза.
— А сейчас?
Я посмотрел на неё.
— А сейчас понимаю, что всё это время мне просто хотелось однажды показать его тебе.
Она ничего не ответила.
Только крепче сжала мою руку.
Мы молча пошли дальше.
Иногда счастье не любит слов.
Ему достаточно одного взгляда.
Одного прикосновения.
Одной ладони, которую не хочется отпускать.
У самого озера пожилой продавец кормов протянул нам маленький бумажный пакетик.
— Для белок?
Оливия посмотрела на меня.
Я кивнул.
— Обязательно.
Она осторожно насыпала несколько орехов на ладонь.
Почти сразу откуда-то из-за дерева появилась маленькая рыжая белка.
Замерла.
Несколько секунд внимательно рассматривала нас.
Потом неожиданно запрыгнула Оливии прямо на руку.
— Денис!
Она испуганно вскрикнула и тут же рассмеялась.
Белка быстро схватила орех и, ловко перескочив ей на плечо, исчезла на ближайшем дереве.
Оливия ещё несколько секунд стояла неподвижно.
Потом посмотрела на меня широко раскрытыми глазами.
— Ты видел?
— Видел.
— Она сидела у меня на плече!
— Это потому, что ты ей понравилась.

— Правда?

— Конечно.

Белки никогда не ошибаются в людях.

Она рассмеялась.

Так искренне и заразительно, что проходившая мимо пожилая англичанка невольно улыбнулась нам.

Я вдруг поймал себя на странной мысли.

Я гулял по этому парку десятки раз.

Весной.

Летом.

Осенью.

Даже зимой.

Но никогда прежде не замечал, сколько здесь света.

Наверное, дело было вовсе не в парке.

Просто сегодня я впервые смотрел на него её глазами.

— Пойдём, — сказал я.

— Куда теперь?

Я загадочно улыбнулся.

— Есть одно место, где меня когда-то спасали от плохого настроения.

— Куда?

— В книжный магазин.

Она тихо рассмеялась.

— Северин...

Ты не исправим.

— Поздно меня перевоспитывать.

Я взял её за руку.

И мы снова пошли по старым лондонским улицам, где каждый дом хранил свою историю, а мне вдруг захотелось рассказать ей их все.

Через несколько минут мы свернули с шумной улицы в узкий переулок.

Здесь Лондон вдруг стал совсем другим.

Тише.

Старше.

Казалось, даже время здесь текло медленнее.

Небольшие кирпичные дома стояли так близко друг к другу, что почти соприкасались крышами. В окнах цвели герани, на дверях висели латунные молоточки в виде львиных голов, а над одной из витрин покачивалась старая деревянная вывеска.

Harrington & Sons Booksellers

Основано в 1894 году.

— Здесь? — удивилась Оливия.

Я кивнул.

— Здесь.

Она посмотрела на меня с улыбкой.

— Ты ведёшь меня в книжный магазин?

— Не просто в книжный магазин.

Я осторожно толкнул дверь.

Над головой тихо звякнул маленький медный колокольчик.

Внутри пахло старой бумагой, деревом и свежесваренным кофе.

Запах, который невозможно спутать ни с каким другим.

Из глубины зала вышел пожилой мужчина в сером жилете.

Он поднял глаза.

Несколько секунд внимательно смотрел на меня.

Потом неожиданно широко улыбнулся.

— Северин...

Я уже начал думать, что ты окончательно забыл дорогу.

Я рассмеялся.

— Простите, мистер Харрингтон.

Учёба.

— Учёба — плохое оправдание для человека, который обещал заходить хотя бы раз в месяц.

Он подошёл ближе.

Пожал мне руку.

И только теперь заметил Оливию.

Его взгляд стал лукавым.

— Вот оно что...

Теперь понимаю, почему ты пропал.

Я почувствовал, как Оливия незаметно взяла меня под руку.

— Мистер Харрингтон, познакомьтесь.

Это Оливия.

Он слегка поклонился.

По-старомодному.

Так, как сегодня уже почти никто не делает.

— Добро пожаловать.

Если Денис привёл вас сюда, значит, вы для него очень дорогой человек.

Я увидел, как Оливия смущённо улыбнулась.

— Спасибо.

Мистер Харрингтон неожиданно посмотрел на меня.

— Помнишь своё любимое место?

— Конечно.

— Оно тебя ждёт.

Я взглянул на Оливию.

— Пойдём.

Мы поднялись по узкой деревянной лестнице.

Ступени тихо поскрипывали под ногами.

На втором этаже было почти пусто.

Большие окна выходили прямо на крыши старого Лондона.

В углу стояли два глубоких кожаных кресла.

Между ними — маленький круглый столик.

Я медленно провёл рукой по потёртому подлокотнику.

— Здесь...

Я замолчал.

Оливия внимательно посмотрела на меня.

— Что?

Я улыбнулся.

— Здесь я провёл половину своей юности.

Она удивлённо подняла брови.

— Правда?

— Когда мне было шестнадцать или семнадцать, я приходил сюда почти каждую неделю.

— Почему?

Я долго молчал.
Потом честно ответил:
— Здесь было тихо.
Она ничего не сказала.
Ждала.
— Иногда дома становилось... слишком шумно.
Я усмехнулся.
— Странно звучит, правда?
Огромный дом.
Десятки комнат.
И человек приходит прятаться... в книжный магазин.
Оливия осторожно накрыла мою ладонь своей.
— Нет.
Совсем не странно.
Я посмотрел на неё.
Она улыбалась так тепло, что впервые за долгое время мне не хотелось прятать прошлое.
— Я сел вот в это кресло.
Брал любую книгу.
И мог просидеть здесь до самого вечера.
Мистер Харрингтон никогда не прогонял меня.
Иногда просто приносил чашку чая.
И делал вид, что не замечает, что я уже три часа читаю одну и ту же страницу.
Оливия тихо рассмеялась.
— Потому что думал совсем не о книге?
Я посмотрел в окно.
— Наверное.
Она вдруг подошла к книжной полке.
Провела пальцами по старым корешкам.
Потом достала один том.
Открыла.
На первой странице аккуратным почерком было написано:
«Денису Северину. Никогда не переставай искать ответы. Иногда они прячутся именно там, где никто не догадается искать.
Эдвард Харрингтон 2002 год.»
Оливия долго смотрела на эту надпись.
Потом осторожно закрыла книгу.
— Он очень тебя любит.
Я улыбнулся.
— Наверное...
Он всегда был немного больше, чем просто хозяин книжного магазина.
Она подошла совсем близко.
Посмотрела мне в глаза.
И тихо сказала:
— Теперь я понимаю...
— Что?
— Почему ты стал именно таким.
Когда мы вышли из книжного магазина, Лондон уже окончательно проснулся.
Улицы наполнились голосами.
Из открытых окон маленьких кафе доносился запах свежемолотого кофе.

Где-то совсем рядом играл саксофон.
Оливия медленно вдохнула прохладный воздух.
— Удивительно...
— Что?
— Здесь даже воздух пахнет по-другому.
— Чем?
Она улыбнулась.
— Не знаю...
Дождём.
Кофе.
Старыми книгами.
И почему-то свободой.
Я посмотрел на неё.
— Именно поэтому я всегда любил этот город.
Она взяла меня под руку.
— А знаешь...
Мне кажется, я начинаю понимать тебя немного лучше.
— Правда?
Она кивнула.
— Раньше мне казалось, что ты такой... взрослый.
Я рассмеялся.
— Вот это сейчас было очень обидно.
Она тоже засмеялась.
— Нет...
Я не об этом.
Ты всегда будто всё знаешь.
Всегда знаешь, что делать.
Как будто ничего не боишься.
Я несколько секунд молчал.
Потом честно ответил:
— Боишься всегда.
Просто однажды понимаешь, что страх не должен принимать решения вместо тебя.
Она задумалась.
— Тебя этому отец научил?
Я покачал головой.
— Нет.
Жизнь.
Мы шли молча.
Я чувствовал, как она думает над моими словами.
Она всегда так делала.
Не отвечала сразу.
Сначала проживала каждую мысль.
Наверное, именно за это я её и любил.
За глубину.
За то, что она никогда не жила поверхностно.

Глава 7

Немного волшебства

Впереди показалась башня вокзала King's Cross.

Я незаметно улыбнулся.

— Кажется...

У меня есть ещё одно место, которое ты обязана увидеть.

Она подозрительно посмотрела на меня.

— Денис...

— Что?

— У тебя сейчас такой вид...

Будто ты опять что-то задумал.

— Возможно.

— Это опасно?

— Очень.

Она театрально вздохнула.

— Ну всё...

Теперь мне страшно.

— Поздно.

Мы уже пришли.

Она подняла голову.

Несколько секунд смотрела на огромное старинное здание вокзала.

Потом перевела взгляд на меня.

— Подожди...

— Что?

Её зелёные глаза вдруг стали совершенно детскими.

— Нет...

Не может быть...

Я молча указал рукой вперёд.

И только теперь она увидела табличку.

Platform 9¾.

Она медленно повернулась ко мне.

Потом снова посмотрела на платформу.

И вдруг совершенно по-детски вскрикнула:

— Денис!

Нет!

Ты серьёзно?!

Я не успел ничего ответить.

Она уже бежала вперёд.

Рыжие волосы развевались на ветру.

Она смеялась так искренне, что прохожие невольно оборачивались ей вслед.

Я остановился.

И просто смотрел.

Наверное...

Человек счастлив именно тогда, когда рядом есть тот, ради кого хочется заново увидеть мир.

Даже если этот мир ты знаешь с самого детства.

Я не пытался её догнать.

Только улыбался, наблюдая, как она, забыв обо всём на свете, остановилась перед знаменитой тележкой, наполовину исчезающей в кирпичной стене.

Несколько туристов терпеливо ждали своей очереди.

Оливия обернулась.

— Денис!

— Что?

— Это же настоящая платформа девять и три четверти!

— Почти настоящая.

— Не разрушай мне сказку.

Я поднял руки.

— Всё-всё. Молчу.

Она подошла к тележке, осторожно коснулась её ручки, словно проверяя, действительно ли та упирается в стену.

Потом совершенно серьёзно посмотрела на меня.

— А вдруг получится?

— Что именно?

— Пройти.

— Попробуй.

Она сделала вид, что собирается с духом.

Оглянулась по сторонам.

Разбежалась на два шага...

И в последний момент сама же остановилась, звонко рассмеявшись.

— Нет!

Страшно.

— А вдруг получится?

Она подозрительно посмотрела на меня.

— Ты ведь пробовал?

Я сделал самое невозмутимое лицо.

— Конечно.

— И?

— Как видишь...

Вернулся.

Она прищурилась.

— Ты сейчас врёшь?

— Немного.

— Северин...

— Что?

— Иногда мне кажется, что тебе не двадцать три.

— А сколько?

— Лет двенадцать.

— Это очень полезный возраст.

Мы оба рассмеялись.

Неподалёку располагался официальный магазин Гарри Поттера.

Едва переступив порог, Оливия замерла.

— Господи...

Вокруг словно ожил Хогвартс.

На деревянных стеллажах стояли сотни волшебных палочек.

По стенам висели мантии всех факультетов.

Под стеклом поблёскивали золотые снитчи.

На полках теснились книги заклинаний, шахматы волшебников, шоколадные лягушки и совы всех размеров.

Она медленно повернулась вокруг своей оси.

Совсем как маленькая девочка, впервые попавшая в сказку.

— Денис...

— М-м?

— Можно я здесь останусь жить?

— Сегодня уже второй раз это слышу.

Она рассмеялась.

— Ну правда...

Это же Хогвартс!

Я наблюдал за ней и думал только об одном.

Наверное, человек вырастет не тогда, когда перестаёт верить в чудеса.

Он вырастет тогда, когда рядом появляется кто-то, с кем снова хочется в них поверить.

Оливия с совершенно серьёзным видом рассматривала полки.

— Интересно...

А палочки здесь настоящие?

Я наклонился к ней.

— Конечно.

Особенно если попадётся правильный волшебник.

Она тихо засмеялась.

Продавец — пожилой англичанин с белоснежной бородой — подошёл к нам и заговорщицки улыбнулся.

— Первая палочка?

Оливия смущённо кивнула.

— Тогда выбирать должна не вы.

Она сама вас выберет.

Я заметил, как у Оливии расширились глаза.

Она совершенно забыла, что это всего лишь магазин.

Несколько минут продавец доставал одну коробочку за другой.

Палочки были разные.

Тёмные.

Светлые.

Тонкие.

Изогнутые.

Но каждый раз он только качал головой.

— Нет...

Не эта.

И вдруг протянул ей ещё одну.

Оливия осторожно взяла её в руку.

Пожилой продавец довольно улыбнулся.

— Вот теперь...

Кажется, она нашла своего хозяина.

Оливия посмотрела на меня совершенно счастливыми глазами.

— Денис...

Можно?

Я сделал вид, что глубоко задумался.

— Даже не знаю...

Она сразу погрузилась.

Я выдержал ещё несколько секунд.
Потом улыбнулся.
— Конечно можно.
Она неожиданно обняла меня прямо посреди магазина.
Так искренне.
Так по-детски.
Что я невольно рассмеялся.
Пока продавец упаковывал покупку, я тихо спросил:
— Скажи честно...
Ты ведь хотела её не меньше, чем сегодняшние булочки?
Она посмотрела на меня с самым серьёзным видом.
— Нет.
Больше.
Я театрально вздохнул.
— Всё.
Теперь я окончательно проиграл.
Сначала булочкам.
Теперь Гарри Поттеру.
Она звонко рассмеялась.
— Ну что...
Булочки уже забыты?
Оливия прижала коробочку к груди.
— Нет.
— Значит, я по-прежнему на третьем месте?
Она сделала вид, что задумалась.
— Нет.
— Правда?
— Теперь на четвёртом.
— Четвёртом?!
— Конечно.
Сначала ты.
Потом булочки.
Потом Гарри Поттер.
Она замолчала.
Я удивлённо посмотрел на неё.
— А четвёртый тогда кто?
Она хитро улыбнулась.
— Ты.
Несколько секунд я молча смотрел на неё.
Потом покачал головой.
— Всё-таки ужасная ты девушка, Вишневская.
— Почему?
— Потому что постоянно путаешь мне мысли.
Она взяла меня за руку.
— Неправда.
— Правда.
— Тогда хорошо.
— Почему?

Она улыбнулась той самой улыбкой, от которой у меня каждый раз перехватывало дыхание.

— Значит, ты думаешь обо мне.

Я тихо рассмеялся.

— Постоянно.

— Даже сейчас?

— Особенно сейчас.

Она удовлетворённо кивнула.

— Тогда всё правильно.

— Вечером я покажу тебе ещё одно место.

Она подозрительно прищурилась.

— Оно тоже волшебное?

Я сделал вид, что задумался.

— Нет

Она разочарованно вздохнула.

Я рассмеялся.

— Оно настоящее.

И именно поэтому намного прекраснее любой сказки.

Крепко держа в одной руке коробочку с волшебной палочкой, а другой — мою ладонь, она первой вышла из магазина.

Я смотрел ей вслед и вдруг поймал себя на мысли, что впервые за много лет мне совершенно не хотелось думать ни об университете, ни о будущем, ни о том, что будет завтра.

Мне хотелось только одного.

Чтобы этот день никогда не заканчивался.

Глава 8

Призрак

До вечера оставалось ещё несколько часов.

Мы неторопливо бродили по Лондону, разговаривали обо всём на свете, смеялись, спорили, заходили в маленькие магазины, которые попадались по дороге.

Но всё это время я украдкой смотрел на часы.

Она, кажется, этого не замечала.

И хорошо.

Мне хотелось, чтобы этот вечер стал для неё неожиданностью.

Когда солнце начало медленно опускаться за крыши старых домов, я остановился у края тротуара.

— Устала?

Оливия покачала головой.

— Совсем нет.

— Тогда поехали.

— Куда?

Я загадочно улыбнулся.

— Потерпи ещё немного.

Через двадцать минут такси остановилось у старинного здания, фасад которого мягко освещали десятки фонарей.

Оливия подняла голову.

Несколько секунд молча смотрела на огромную афишу.

Потом повернулась ко мне.

— Денис...

Она даже не договорила.

Я молча протянул ей два билета.

Она осторожно взяла их.

Прочитала название.

И едва слышно прошептала:

— «Призрак Оперы...»

Потом снова посмотрела на меня.

В её глазах было столько счастья, что я вдруг понял — всё было не зря.

Абсолютно всё.

Театр Его Величества встретил нас мягким светом старинных люстр.

Красный бархат.

Позолоченные балконы.

Белоснежная лепнина.

Высокий расписной потолок.

Оливия остановилась прямо посреди фойе.

Медленно повернулась вокруг себя.

Совсем как тогда, в магазине Гарри Поттера.

Только теперь в её глазах было не детское удивление.

А восхищение.

Настоящее.

Глубокое.

Она тихо взяла меня за руку.

— Денис...

— М-м?

— Мне кажется...

Я сейчас заплачу.

Я улыбнулся.

— Это ещё даже не начало.

Она тихо рассмеялась сквозь подступившие слёзы.

— Тогда мне страшно представить, что будет дальше. У меня мурашки побежали по рукам.

Мы поднялись по широкой лестнице.

Наши места оказались почти в центре партера.

Когда в зале погас свет, Оливия инстинктивно нашла мою руку.

И больше уже не отпускала.

Заиграл оркестр.

Под потолком поплыли первые ноты увертюры.

Я почти не смотрел на сцену.

Я смотрел на неё.

На то, как расширились её зелёные глаза.

Как она едва заметно задержала дыхание.

Как улыбалась.

Как забывала обо всём вокруг.

Каждую минуту.

Каждую секунду.

Я поймал себя на мысли...

Что человек так счастлив тогда, когда больше всего на свете ему хочется смотреть не на чудо.

А на того, кто это чудо сейчас переживает.

Первые аккорды оркестра медленно заполнили зал.

Свет погас.

Осталась только сцена.

Я почувствовал, как Оливия чуть сильнее сжала мою ладонь.

Совсем незаметно.

Будто сама этого не заметила.

Я улыбнулся.

Именно так дети впервые переступают порог сказки.

Она боялась пропустить хотя бы одно движение.

Хотя бы одну ноту.

Иногда едва слышно ахала.

Иногда улыбалась.

Иногда, наоборот, замирала так, что переставала даже моргать.

Я ловил каждое её движение.

Каждую эмоцию.

Каждый взгляд.

Я почти не видел сцены.

Потому что всё самое прекрасное сейчас происходило рядом со мной.

Несколько раз она совсем по-детски наклонялась ко мне и едва слышно шептала:

— Денис...

— М-м?

— Это невероятно...

Я только улыбался.

Потому что именно этого и хотел.

Когда над залом зазвучала главная тема мюзикла, я почувствовал, как её пальцы едва заметно дрогнули.

Она не сводила глаз со сцены.

А потом...

Совершенно неожиданно положила голову мне на плечо.

Так и продолжала смотреть.

Не отпуская моей руки.

Наверное, в тот момент я был счастливее всех на свете!

Когда спектакль подошёл к концу, несколько секунд в зале стояла удивительная тишина.

Та самая.

Когда люди ещё не успели вернуться в реальность.

Потом грянули аплодисменты.

И вдруг...

Оливия первой вскочила со своего места.

— Браво!..

Её голос прозвучал так искренне, что я невольно посмотрел не на сцену, а на неё.

Она хлопала, не жалея ладоней.

Словно пыталась сказать артистам намного больше, чем можно выразить словами.

На глазах блеснули слёзы.

Она даже не замечала их.

Продолжала аплодировать.

Продолжала улыбаться.

Продолжала повторять:

— Браво...

Браво!

Вокруг нас зрители начали оборачиваться.

Наверное, английская публика не привыкла к такой открытой радости.

Ведь в Англии не так открыто принято выражать свои чувства, в отличие от России.

Но произошло удивительное.

Сначала поднялся один человек.

Потом ещё двое.

Потом целый ряд.

Через несколько секунд весь партер уже стоял.

Следом поднялись ложи.

Балконы.

И огромный зал Театра Его Величества превратился в одно бесконечное море оваций.

Я смотрел на Оливию.

Она ничего этого не замечала.

Она смотрела только на сцену.

Исполнитель роли Призрака уже собирался уйти за кулисы.

Но вдруг остановился.

Поднял глаза.

И сразу увидел её...

Рыжеволосую девушку, которая своим искренним восторгом подняла на ноги весь театр.

Он улыбнулся.

Медленно приложил ладонь к сердцу.

Потом посмотрел прямо на неё.

И послал воздушный поцелуй.

Оливия застыла.
Кажется, даже перестала дышать.
Артист наклонился.
Поднял лежавшую у края сцены алую розу.
Легко взмахнул рукой.
Цветок описал красивую дугу в воздухе.
И опустился прямо к её ногам.
Несколько секунд она просто смотрела на розу.
Потом осторожно подняла её.
Прижала к груди.
И вдруг заплакала.
Тихо.
Совсем по-детски.
От счастья.
Я никогда раньше не видел, чтобы человек был настолько счастлив.
И в тот момент мне захотелось остановить время.
Чтобы этот вечер никогда не заканчивался.
Чтобы она всегда вот так смеялась.
Всегда вот так плакала от счастья.
Всегда смотрела на мир так, словно каждое его чудо происходило впервые.
Когда зрители начали расходиться, она всё ещё держала розу так бережно, будто это был самый дорогой подарок в её жизни.
Мы медленно вышли на улицу.
Над вечерним Лондоном уже зажигались фонари.
Несколько минут она молчала.
Потом вдруг остановилась.
Посмотрела на меня.
И совершенно серьёзно сказала:
— Знаешь...
— Что?
— Мне кажется...
Я сегодня была самым счастливым человеком.
Я улыбнулся.
— Нет.
Она удивлённо посмотрела на меня.
— Почему?
Я осторожно убрал с её щеки выбившуюся рыжую прядь.
— Потому что самым счастливым человеком на свете сегодня был я.
Она тихо рассмеялась.
— Это ещё почему?
Я посмотрел ей в глаза.
И честно ответил:
— Потому что весь вечер смотрел не на сцену.
А на тебя.
Она молчала.
Только глаза вдруг стали влажными.
Потом шагнула ко мне.
Обняла.
И едва слышно прошептала:

— Я люблю тебя...

Так тихо, что эти слова услышал только я.

Я прижал её к себе крепче.

Если в мире существует место, где человек действительно может быть счастлив, то оно сейчас здесь.

Посреди вечернего Лондона.

Рядом с девушкой, которая держала в руках алую розу.

И улыбалась так, словно впереди у нас была целая жизнь полная счастья.

Глава 9

Тонкая стеклянная стена

Утро началось с записки.

Оливия нашла её на кухонном столе рядом с чашкой, накрытой маленьким блюдцем, чтобы чай не остыл слишком быстро.

Лисёнок, я сегодня рано в больницу. Позавтракай. И не забудь шарф — утром обещали ветер. Вечером заберу тебя.

Д.

Она улыбнулась.

Провела пальцами по неровной строчке, будто могла через бумагу почувствовать его руку.

За окном Лондон просыпался медленно.

Мокрые крыши блестели после ночного дождя, по улице уже спешили люди с бумажными стаканчиками кофе, а напротив, в маленькой булочной, миссис Томпсон раскладывала на витрине свежие сконы.

Оливия сделала глоток чая и вдруг подумала, что начинает привыкать к этой жизни.

К запискам Дениса.

К утреннему ветру.

К метро.

К английским голосам вокруг.

К университетским коридорам, пахнущим деревом, бумагой и старым камнем.

Лондон уже не казался ей городом с открытки.

Он становился настоящим.

Живым.

Иногда — почти родным.

В это время Денис уже приехал в больницу.

Коридоры ещё были полупустыми.

Где-то далеко скрипнула тележка.

Медсестра у поста кивнула ему, не отрываясь от бумаг.

— Morning, Mr Severin.

— Morning.

Он быстро переоделся, застегнул халат и остановился у окна ординаторской.

Небо над Лондоном было низким, серым, совсем больничным.

На столе лежала история болезни.

Тонкая папка.

Очень тонкая для жизни, о которой в ней говорилось.

На обложке — имя мальчика.

Томас.

Семь лет.

Денис несколько секунд смотрел на аккуратно напечатанные буквы, потом открыл папку.

Диагноз он уже знал.

Но всё равно перечитал.

Построчно.

Словно в этих строчках можно было найти что-то, что пропустили другие.

— Северин.

В дверях стоял профессор Хэмилтон.

Сегодня без обычной сухой иронии.

— Вы со мной.

Денис закрыл папку.

— Да, профессор.

Они шли по коридору молча.

В детском отделении всегда было особенное ощущение.

Стены здесь старались делать светлее.

На окнах висели цветные рисунки.

У поста медсестёр стояла коробка с игрушками.

Но от этого тишина казалась ещё тяжелее.

В палате у окна сидел мальчик.

Очень худой.

Бледный.

На одеяле рядом с ним лежал плюшевый медведь с перевязанной лапой.

Мальчик поднял глаза.

— Вы новый доктор?

Денис остановился у кровати.

— Почти.

— Почти доктор?

— Пока учусь.

Мальчик внимательно посмотрел на него.

— А вы умеете слушать сердце?

Денис едва заметно улыбнулся.

— Это я умею.

— Тогда можно?

Он сам протянул худую руку к прикроватной тумбочке, где лежал стетоскоп.

Денис присел рядом.

— Конечно.

Мальчик серьёзно наблюдал за каждым его движением.

— А моё сердце громкое?

Денис приложил мембрану стетоскопа к маленькой груди.

В палате на мгновение стало очень тихо.

— Громкое, — сказал он.

— Хорошо.

— Очень.

Томас удовлетворённо кивнул.

— Значит, оно старается.

Денис убрал стетоскоп.

— Да.

Он посмотрел на мальчика и неожиданно не нашёл ни одного подходящего слова.

Профессор Хэмилтон стоял рядом.

Смотрел на него внимательно.

Потом тихо сказал:

— Пойдёмте.

...

В университете день начался почти весело.

Карла встретила Оливию у входа с двумя стаканчиками кофе и видом человека, совершившего маленький подвиг.

— Я нашла место, где кофе не похож на горячую воду.

— Ты спасла мне утро.

— Знаю. За это ты должна будешь дать мне списать список литературы.

— Не дам.

— Жестокая русская душа.

Оливия рассмеялась.

Им обоим было хорошо.

На лекции профессор говорил о культурной памяти, о том, как страны рассказывают собственную историю, как одни и те же события могут становиться гордостью для одних и почти пустым местом для других.

Оливия слушала внимательно.

Записывала почти каждую фразу.

Ей нравилось учиться здесь.

Нравилось, что здесь можно было спорить.

Задавать вопросы.

Не соглашаться.

Думать вслух.

После занятия несколько студентов пошли во двор пить кофе.

Солнце неожиданно прорвалось сквозь облака, и старые стены университета стали почти золотыми.

— Оливия, — окликнула её девушка с курса. Кажется, её звали Эмили. — Ты ведь из России?

— Да.

— Правда?

Оливия улыбнулась.

— Правда.

Эмили немного помолчала.

Потом спросила осторожно, словно боялась показаться невежливой:

— Можно глупый вопрос?

— Конечно.

— У вас действительно медведи ходят по Красной площади?

На секунду Оливия решила, что это шутка.

Но лицо у Эмили было совершенно серьёзным.

Слишком серьёзным.

Оливия поставила стаканчик с кофе на каменный бортик.

— Конечно.

Эмили расширила глаза.

— Правда?

— Да. Обычно утром они гуляют по площади. Днём играют на балалайках. А вечером танцуют.

Карла чуть не упала со смеху.

Кто-то рядом тоже засмеялся.

Но Эмили не смеялась.

Она смотрела на Оливию так, будто только что услышала подтверждение давно известного факта.

— Невероятно...

Оливия замолчала.

Улыбка ещё оставалась на лице, но внутри что-то странно оборвалось.

— Эмили, — мягко сказала она. — Я пошутила.

— О...

— Медведи не ходят по Красной площади.

— Конечно, — быстро сказала Эмили и покраснела. — Я просто... ну... нам в школе показывали что-то такое.

Карла закатила глаза.

— Эмили.

— Что?

— Даже я знаю, что это стереотип.

Эмили смущённо рассмеялась.

Разговор пошёл дальше.

Кто-то заговорил о семинаре.

Кто-то — о вечеринке в пятницу.

Кто-то жаловался на список литературы.

Всё снова стало обычным.

Но Оливия ещё долго стояла у бортика, держа в руках остывающий кофе.

Ей было смешно.

И, в то же время, грустно.

Между ней и остальными словно появилась тонкая стеклянная стена.

Прозрачная.

Почти незаметная.

Но она уже была.

...

Денис провёл у Томаса почти весь день.

Сначала обход.

Потом обсуждение снимков.

Потом долгий разговор с матерью мальчика в узком коридоре возле палаты.

Женщина держалась из последних сил.

Она кивала, слушала профессора, задавала вопросы очень спокойным голосом.

Только пальцы всё время мяли край вязаного шарфа.

Денис стоял рядом и смотрел на эти пальцы.

Почему-то именно они запомнились сильнее всего.

В какой-то момент Томас попросил воды.

Денис вошёл в палату.

Мальчик лежал на боку и держал медведя за лапу.

— Вы ещё здесь? — спросил он.

— Здесь.

— Значит, вы хороший, почти доктор.

Денис взял стакан.

Поднёс трубочку к его губам.

— Почему?

Томас сделал маленький глоток.

— Плохие быстро уходят.

Денис не сразу ответил.

— Я просто сегодня никуда не тороплюсь.

— Врёте.

— Почему?

— Все взрослые всегда торопятся.

На этот раз Денис улыбнулся.

— Не все.

Томас посмотрел на него серьёзно.

— А вы можете прийти завтра?

— Постараюсь.
— Только не говорите так, если не придёте.
Денис опустил стакан на тумбочку.
— Хорошо.
— Обещаете?
Он посмотрел на мальчика.
На медведя с перевязанной лапой.
На цветной рисунок ракеты, приклеенный к стене рядом с кроватью.
— Обещаю.

...

Вечером Оливия вернулась домой раньше Дениса.
В квартире было тихо.
Она поставила сумку на стул, сняла шарф, прошла на кухню и вдруг остановилась.
Записка всё ещё лежала на столе.
Не забудь шарф.
Она улыбнулась.
Потом вспомнила Эмили.
Медведей.
Балалайку.
Тот серьёзный взгляд.
И улыбка медленно исчезла.
Она достала из шкафа кружку, заварила чай и села у окна.
Лондон за стеклом был красивым.
Огни отражались в мокром асфальте.
По улице медленно проехал красный автобус.
Где-то хлопнула дверь такси.
Она хотела рассказать Денису эту историю.
Обязательно хотела.
Сначала — смешно.
Потом — как-то странно.
Потом, может быть, спросить у него, сталкивался ли он с этим.
Но Денис не возвращался.
На её сообщение он ответил только через час.
Задерживаюсь в больнице. Не волнуйся.
Она написала:
Всё хорошо?
Ответ пришёл не сразу.
Да. Просто тяжёлый день.
Оливия долго смотрела на эти слова.
Потом положила телефон рядом с чашкой и уже не стала писать ничего.
Денис вернулся почти в десять.
Оливия услышала, как ключ повернулся в замке.
Как тихо открылась дверь.
Как он поставил сумку в прихожей.
Обычно он сразу звал её.
Сегодня молчал.
Она вышла из кухни.
Денис стоял у двери в расстёгнутом пальто.
Лицо было усталым.

Не просто после длинного дня.

Иначе.

Будто он принёс с собой в эту квартиру что-то тяжёлое и не знал, куда это положить.

— Денис?

Он поднял глаза.

Попытался улыбнуться.

— Привет, Лисёнок.

Но улыбка не получилась.

Оливия подошла ближе.

— Что случилось?

Он несколько секунд молчал.

Потом снял пальто, аккуратно повесил его на крючок и только после этого ответил:

— Тяжёлый пациент.

— Взрослый?

Денис покачал головой.

— Мальчик.

Оливия замерла.

Он прошёл в комнату, остановился у окна и долго смотрел вниз, на мокрую улицу.

— Ему семь.

В квартире стало совсем тихо.

Оливия не стала задавать лишних вопросов.

Просто подошла и обняла его сзади.

Прижалась щекой к его спине.

Денис накрыл её руки своими.

Они стояли так долго.

Без слов.

Иногда молчание оказывается единственным, что не ранит.

— Я обещал прийти к нему завтра, — тихо сказал он.

— Значит, придёшь.

— Да.

— Ты хороший врач, Денис.

Он чуть сжал её пальцы.

— Я ещё не врач.

— Уже врач.

Он повернулся к ней.

Посмотрел долго, устало.

Потом притянул к себе и уткнулся лицом в её волосы.

Оливия закрыла глаза.

Её история про Эмили, медведей и Красную площадь вдруг стала маленькой.

Почти незначительной.

Она не исчезла.

Просто отступила.

Не сегодня.

Сегодня Денису было больнее.

Она поняла это сразу.

И оставила свои вопросы при себе.

Позже.

Она расскажет ему позже.

А пока просто стояла рядом.

Держала его.
И слушала, как за окном Лондон шумит дождём.
Словно ничего в мире не изменилось.

Глава 10

Пятничный паб

Пятничные вечера в Лондоне жили по своим законам.

Ровно в шесть часов город словно выдыхал.

Деловые костюмы сменялись джинсами и свитерами, офисные улицы пустели, а пабы, наоборот, оживали.

Кто-то приходил сюда после работы выпить кружку эля.

Кто-то — посмотреть футбол.

Кто-то — встретиться с друзьями.

Для англичан это была почти такая же традиция, как воскресный семейный обед.

Закончилась неделя.

Можно наконец перестать думать о работе.

Я ещё не успела снять пальто, когда входная дверь открылась.

Денис выглядел намного лучше, чем вчера.

Усталость всё ещё оставалась в глазах, но теперь в них снова появилось привычное спокойствие.

Он улыбнулся.

— Лисёнок...

— Привет.

Я подошла к нему.

— Как Томас?

Он на секунду замолчал.

Потом едва заметно улыбнулся.

— Сегодня попросил научить его пользоваться стетоскопом.

— И?

— Сказал, что станет доктором.

Я тоже улыбнулась.

— Значит, настроение у него лучше?

— Сегодня — да.

Он снял куртку.

Посмотрел на часы.

И вдруг сказал:

— Собирайся.

— Куда?

— Познакомлю тебя с одним человеком.

— Сейчас?

— Именно сейчас.

— Кто он?

Денис усмехнулся.

— Мой лучший друг.

Через полчаса мы уже шли по одной из старых улиц недалеко от Темзы.

Над дверью невысокого кирпичного здания покачивалась деревянная вывеска.

Изнутри доносились смех, звон кружек и негромкая музыка.

— Это паб? — спросила я.

— Да.

— Здесь очень шумно.

— Подожди минут пять.

Потом поймёшь, почему англичане так любят такие места.
Он открыл тяжёлую деревянную дверь.
Внутри пахло тёплым деревом, жареным мясом, солодом и чем-то ещё...
Наверное, сотнями пятничных вечеров, прожитых здесь до нас.
У стойки громко смеялась компания мужчин.
За дальним столом пожилая пара играла в шахматы.
Бармен приветственно кивнул Денису.
— Evening, Seve'rin.
— Evening, Jack.
Мы сделали всего несколько шагов.
И вдруг...
— SEVE'RIN!!
Голос прогремел так, что, кажется, его услышал весь паб.
Я вздрогнула.
Из-за дальнего стола поднялся настоящий великан.
Ростом почти под два метра.
Широкие плечи.
Светло-серые волосы.
Рыжеватая щетина.
Лицо было густо усыпано веснушками, словно солнце когда-то рассыпало их по щекам и носу и забыло собрать обратно.
Он шёл к нам, широко улыбаясь.
И улыбка у него была совершенно мальчишеская.
— Guid evenin', Seve'rin!
Я моргнула.
Потом ещё раз.
Посмотрела на Дениса.
Потом снова на незнакомца.
Он уже крепко обнимал Дениса, хлопая его по спине так, что любой другой человек, наверное, не устоял бы на ногах.
— Missed ye, ye stubborn eejit!
Я перевела взгляд на Дениса.
И тихо спросила:
— Он...
Денис уже смеялся.
— Да.
— Это английский?
— Почти.
— Я не поняла ни одного слова.
Роберт расхохотался ещё громче.
— Och! She cannae understand me!
Я окончательно растерялась.
— Денис...
Помоги...
Он уже не мог сдерживать смех.
— Поздравляю.
— С чем?
— Ты только что познакомилась с настоящим шотландцем.
Роберт протянул мне огромную ладонь.

— Robert MacLeod.

Я осторожно пожала её.

— Оливия.

Я думала в Шотландии все Дунканы Маклауты.

Роберт громко рассмеялся и снова что-то быстро сказал.

Я поняла только своё имя.

И беспомощно посмотрела на Дениса.

— Он спросил, как Северину удалось уговорить такую красивую девушку встречаться с ним.

Я улыбнулась.

— Правда?

— Нет.

Роберт сказал, что ему очень интересно посмотреть на девушку, о которой Северин прожужжал ему все уши.

— Денис!

Я повернулась к нему.

Он сделал вид, что внимательно рассматривает деревянные балки под потолком.

— Ничего не знаю.

Роберт подмигнул мне.

— Аye... he did.

И впервые за два дня я увидела, как Денис смеётся по-настоящему.

Не потому, что так надо.

А потому что рядом был человек, рядом с которым можно было ненадолго забыть обо всём.

Роберт ещё несколько секунд смотрел на меня, потом неожиданно хлопнул Дениса по плечу так, что тот едва заметно качнулся.

— Seve'rin! Sit doon! Ye're blockin' the whole pub!

Денис рассмеялся.

— Он сказал, что если мы и дальше будем стоять в проходе, то перекроем движение во всём пабе.

— А...

Я улыбнулась.

— Теперь понятно.

Роберт уже уверенно пробирался между столами.

По пути здоровался почти с каждым.

Кому-то махал рукой.

Кого-то хлопал по плечу.

Бармен, заметив его, только покачал головой.

— Evening, Rob.

— Aye! Same as always!

— Как всегда?

— спросила я.

— У Роберта, — улыбнулся Денис, — в этом пабе есть одна удивительная способность.

— Какая?

— Он приходит сюда так давно, что, если однажды не появится, половина посетителей решит, что случилось что-то серьёзное.

Мы сели за большой деревянный стол у окна.

Столешница была вся исписана именами, датами и какими-то смешными рисунками.

Казалось, здесь оставили свои истории сотни людей.

Роберт поставил перед собой огромную кружку.
Потом посмотрел сначала на Дениса.
Потом на меня.
И очень серьёзно спросил:
— Beer?
Я кивнула.
— Наверное...
Он тут же отрицательно покачал головой.
— Nae.
Потом поднял палец вверх.
— Scottish ale.
Я посмотрела на Дениса.
— Это хорошо?
Он улыбнулся так, что мне сразу стало подозрительно.
— Очень.
— Почему ты так улыбаешься?
— Просто доверься.
Я прищурилась.
— Северин...
Ты сейчас что-то задумал.
— Ничего.
Совершенно ничего.
Через несколько минут бармен поставил передо мной тяжёлую кружку тёмного эля.
Напиток был почти чёрным.
Плотная кремовая пена медленно стекала по стеклу.
Запах показался необычным.
Тёплым.
Солодовым.
С лёгкой горчинкой.
Роберт внимательно наблюдал за мной.
Даже не пытался скрыть этого.
— Go on, lass.
Я снова посмотрела на Дениса.
— Что он сказал?
— Пей.
— И всё?
— Да.
— Что-то мне страшно.
— Поздно.
Роберт уже довольно улыбался.
Я осторожно сделала маленький глоток.
Несколько секунд честно пыталась понять вкус.
Потом ещё секунду.
И вдруг медленно поставила кружку обратно.
Оба мужчины молча ждали.
— Ну? — спросил Денис.
Я посмотрела сначала на него.
Потом на Роберта.
Потом снова на кружку.

— Можно честно?

— Нужно.

Я глубоко вздохнула.

— Такое ощущение...

Будто я только что выпила...

Я снова попробовала подобрать слово.

— Дёготь.

На секунду в пабе словно стало тихо.

Потом Роберт ударил ладонью по столу и расхохотался так громко, что несколько человек обернулись.

— Seve'rin! She's brilliant!

Он смеялся до слёз.

Денис уже тоже не мог сдержаться.

— Что он сказал?

— Что ты великолепна.

— Почему?

— Потому что все делают умный вид и начинают рассуждать о нотках солода, карамели и дубовых бочках.

— А это неправда?

— Нет.

— Тогда что это?

Я снова посмотрела на кружку.

— Дёготь.

Роберт опять расхохотался.

Потом поднял свою кружку.

— To the lass!

— За что?

— За честность, — перевёл Денис.

Мы чокнулись.

Я всё-таки сделала ещё один глоток.

Поморщилась.

— Нет.

Не могу.

Роберт театрально схватился за сердце.

— Och!

Денис уже смеялся, вытирая слёзы.

— Поздравляю.

— С чем?

— Ты только что прошла проверку Роберта.

— Какую ещё проверку?

Роберт положил огромную ладонь себе на грудь и с самым серьёзным видом произнёс:

— If ye can tell the truth aboot Scottish ale... ye're family.

Я вопросительно посмотрела на Дениса.

— Он сказал...

Денис специально выдержал паузу.

— Если человек не врёт про шотландский эль...

Значит, ему можно доверять.

Я удивлённо посмотрела на Роберта.

Он уже не смеялся.

Просто кивнул.

Очень спокойно.

И вдруг протянул мне свою кружку.

— Try mine. Better.

Я посмотрела на Дениса.

— Переводи.

— Он говорит, что его эль вкуснее.

— Правда?

— Нет.

Он просто хочет проверить, выдержишь ли ты ещё один глоток.

Я рассмеялась.

— Тогда точно нет.

Роберт снова захохотал.

Потом неожиданно наклонился ко мне и сказал уже медленнее, стараясь произносить слова понятнее:

— Welcome... lass.

На этот раз я поняла сама.

И улыбнулась.

— Thank you.

Он довольно кивнул.

— See?

— Что?

— Уже учишься понимать шотландцев.

Денис тихо засмеялся.

— Поверь мне...

Это гораздо сложнее, чем кажется.

Денис поднялся из-за стола.

— Я сейчас вернусь. Роб, тебе ещё эль?

— Aye!

— Тебе, Лисёнок?

— Нет... спасибо. Мне пока одного "испытания" достаточно.

Роберт снова громко рассмеялся.

— Smart lass!

Денис покачал головой.

— Не успел познакомить вас, а вы уже против меня объединились.

— Это потому, что мы говорим правду, — улыбнулась Оливия.

— Очень опасное начало знакомства.

Он легко коснулся её плеча и ушёл к барной стойке.

Несколько секунд Роберт молча смотрел ему вслед.

Потом отпил эль.

Поставил тяжёлую кружку на стол.

И неожиданно сказал совсем другим голосом.

Без привычного смеха.

Без шуток.

— Lass...

Я подняла глаза.

Он несколько секунд молчал, будто подбирал слова, а потом на ломаном русском произнес.

— Ты любишь его?

Я даже не задумалась.
— Очень.
Роберт кивнул.
Словно именно этот ответ и ожидал услышать.
Потом снова посмотрел туда, где Денис разговаривал с барменом.
— Хорошо.
Он помолчал ещё немного.
— Тогда я скажу тебе одну вещь.
Только не перебивай.
Я невольно выпрямилась.
— Северин никогда не станет рассказывать о себе всё.
Не потому, что не доверяет.
Потому что он такой.
Если ему больно...
Он улыбается.
Если страшно...
Работает ещё больше.
Если тяжело...
Сделает всё, чтобы никто этого не заметил.
Я молчала.
Потому что уже успела это увидеть.
Вчера вечером.
Когда он вернулся из больницы.
Роберт будто прочитал мои мысли.
— Сегодня опять был тяжёлый день?
Я кивнула.
— Да.
Он вздохнул.
— Похоже, ничего не меняется...
Я вопросительно посмотрела на него.
— Он всегда такой?
— Сколько его знаю.
Если кому-то рядом плохо...
Он забывает про себя.
И однажды это его сломает.
Я почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.
— Не говори так.
Роберт спокойно посмотрел на меня.
— Я не пугаю тебя.
Я предупреждаю.
Потому что ты теперь рядом с ним.
Он снова сделал глоток эля.
Потом неожиданно улыбнулся.
— Но знаешь...
Есть вещь куда сложнее.
— Какая?
Он кивнул куда-то в сторону окна.
— Мир, в котором вырос Северин.
Я удивилась.

— Что ты имеешь в виду?

Роберт медленно провёл пальцем по краю кружки.

— Ты скоро познакомишься с людьми, которые знают его всю жизнь.

С семьями.

С друзьями детства.

С теми, кто считает себя хозяевами этого мира.

Он говорил спокойно.

Без злости.

Словно рассказывал о погоде.

— Они будут улыбаться тебе.

Подавать руку.

Интересоваться, как тебе нравится Лондон.

Но многие из них будут смотреть не на тебя.

Они будут смотреть...

Кто ты.

Откуда.

Какая у тебя фамилия.

Кто твои родители.

Какое место ты занимаешь в их мире.

Я невольно нахмурилась.

— Мне всё равно.

Роберт тихо усмехнулся.

— Я тоже когда-то так говорил.

Я удивлённо посмотрела на него.

Он поднял кружку.

— Думаешь, шотландцев здесь всегда принимали как своих?

Он покачал головой.

— Англичане очень вежливые люди.

Но иногда за одной улыбкой можно услышать целую речь.

Он снова посмотрел на Дениса.

Тот всё ещё стоял у барной стойки.

Смеялся над чем-то вместе с барменом.

— Есть ещё одна проблема.

Я почувствовала, что разговор становится серьёзнее.

— Какая?

Роберт немного помолчал.

— Девушка.

— Девушка?

— Да.

Она выросла рядом с Севериным.

И слишком давно решила, что однажды станет его женой.

Я внимательно слушала.

— Они были вместе?

— Нет.

— Тогда почему она так решила?

Роберт улыбнулся уголком губ.

— Потому что некоторые люди не умеют отличать желание от реальности.

Если они чего-то хотят...

Они считают, что это уже принадлежит им.

Он говорил без раздражения.
Без осуждения.
Скорее...
С усталостью человека, который слишком долго наблюдал одну и ту же историю.
— Она красивая?
Он рассмеялся.
— Очень.
— Умная?
— Очень.
— И она любит Дениса?
Роберт покачал головой.
— Нет.
Я удивлённо посмотрела на него.
— Тогда что?
Он ответил сразу.
— Она хочет им владеть.
Эти слова прозвучали так спокойно, что стали ещё тяжелее.
— Северин для неё не любовь.
Он цель.
Понимаешь разницу?
Я медленно кивнула.
Кажется...
Начинала понимать.
Роберт поставил кружку на стол.
— И вот что я хочу, чтобы ты запомнила.
Никогда...
Никогда не позволяй ей заставить тебя сомневаться в себе.
Потому что именно этого она будет добиваться.
Я долго смотрела на Дениса.
Он как раз повернулся в нашу сторону.
Улыбнулся.
Помахал нам рукой.
Совершенно не подозревая, о чём мы сейчас говорим.
Роберт тоже посмотрел на него.
И впервые за весь вечер улыбнулся совсем по-другому.
Тихо.
По-дружески.
— Знаешь...
За все годы я видел его разным.
Злым.
Уставшим.
Разбитым.
Счастливым.
Несчастливым
Но одно могу сказать точно.
Если Северин однажды полюбил...
Поздно!
Его уже никто не заставит разлюбить.
Ни родители.

Ни деньги.

Ни весь этот красивый мир, в котором мы с тобой сейчас живем.

Денис поставил кружки на стол.

Посмотрел сначала на Роберта.

Потом на меня.

Прищурился.

— Что-то мне не нравится, как вы оба улыбаетесь.

Роберт моментально снова стал прежним.

Хлопнул его по плечу.

— Och, Seve'rin! I just told the lass that ye snore like an old bear!

Я вопросительно посмотрела на Дениса.

Он рассмеялся.

— Не верь ни единому слову.

Я улыбнулась.

— Уже поздно.

Роберт подмигнул мне через стол.

И в этот момент я поняла, что рядом с Денисом есть человек, которому почему-то очень хотелось верить.

Глава 11

Приглашение

Пятничный вечер в пабе становился всё более шумным.

Кто-то уже затянул старую ирландскую песню, и половина зала дружно подхватила припев.

Бармен ловко расставлял кружки с элем, над стойкой звенел смех, а Роберт, казалось, знал по имени каждого второго посетителя.

— Another round! — крикнул он бармену.

— Rob, you've already had enough.

— There's never enough!

Оливия тихо рассмеялась.

— Я опять ничего не поняла.

— И не переживай, — улыбнулся Денис. — Иногда я тоже его не понимаю.

— Не верю.

— Честное слово.

— А ты?

Она посмотрела на Роберта.

— Ты всегда его понимал?

— Только первые года три, — совершенно серьёзно ответил Денис.

Роберт услышал своё имя и громко расхохотался.

— Och, liar!

— Что он сказал?

— Что я бессовестный лжец.

— А это правда?

— Конечно нет.

— Не слушай его, lass! — Роберт наконец произнёс это медленно, почти без акцента. — He's always lyin'.

— Вот теперь я поняла.

— Видишь? — улыбнулся Денис. — Прогресс.

Они ещё долго сидели за столом.

Говорили обо всём.

О Москве.

О Лондоне.

О Шотландии.

Роберт рассказывал истории своего детства, как бегал по скалам возле моря, как отец учил его ловить рыбу, как дед категорически отказывался называть себя британцем и каждый Новый год поднимал тост только за Шотландию.

— Он до сих пор так делает? — спросила Оливия.

— Аye. И, скорее всего, будет делать, пока не станет самым упрямым призраком во всей Шотландии.

Все трое рассмеялись.

В этот момент у Дениса завибрировал телефон.

Он взглянул на экран.

— Извините.

Поднялся из-за стола и отошёл чуть в сторону.

Разговор длился недолго.

Вернувшись, он спокойно положил телефон на стол.

— Виктория приглашает нас на благотворительный вечер.
Роберт поднял бровь.
— This one?
— Да.
— Уже на следующей неделе.
— Да.
— Отлично, — улыбнулась Оливия. — Я никогда не была на благотворительных вечерах.
Роберт и Денис одновременно посмотрели друг на друга.
И оба почему-то промолчали.
— Что? — удивилась она.
— Ничего, — слишком быстро ответил Денис.
Роберт медленно отпил эль.
Потом поставил кружку на стол.
И очень спокойно спросил:
— Sev...
— M?
— Tell me ye told the lass it's black tie.
Денис застыл.
Совершенно неподвижно.
Роберт молча смотрел на него.
Оливия переводила взгляд с одного на другого.
— Денис...
Что он сказал?
Денис тихо выдохнул.
— Чёрт...
— Что?
Он посмотрел на неё виновато.
— Лисёнок...
Я совсем забыл.
— О чём?
Роберт театрально закатил глаза.
— Nopeless... absolutely hopeless.
— Денис!
— Он сказал, что я безнадёжен.
— Почему?
Денис потёр переносицу.
Так он всегда делал, когда понимал, что действительно что-то упустил.
— Потому что это не просто благотворительный вечер.
Это ежегодный осенний гала-вечер фонда семьи Виктории.
Оливия улыбнулась.
— И что?
Он помолчал.
— Там дресс-код.
— Какой?
— Black Tie.
Она вопросительно посмотрела на него.
— Это...
— Вечерние платья.
Смокинги.

Официальный приём.
Оливия пожала плечами.
— Ну хорошо.
Я надену платье.
Денис ничего не ответил.
Потому что уже понимал.
Она ещё не знает, что значит слово Black Tie в мире, куда он собирается ее привести.
Роберт тихо покачал головой.
— Нет, Sev.
Ты опять ничего не понял.
Денис нахмурился.
— Что именно?
Роберт отпил эль.
— Ты смотришь на это как мужчина.
Для тебя это просто костюм.
Он чуть наклонился вперёд.
— А для них — нет.
— Для кого?
— Для этого общества.
Он обвёл кружкой зал, словно говорил не о пабе, а о людях, которых они скоро встретят.
— Они умеют быть безупречно вежливыми.
Улыбаться.
Говорить правильные слова.
И при этом одним взглядом дать человеку понять, что он здесь чужой.
За столом повисла тишина.
Роберт продолжил уже спокойнее:
— Я не люблю этот мир.
Никогда не любил.
Даже несмотря на то, что вырос рядом с ним.
Он усмехнулся.
— Шотландцы вообще плохо умеют делать вид, что восхищаются подобными вещами.
Оливия улыбнулась.
— А я думала, это только русские.
Роберт рассмеялся.
— Значит, у нас больше общего, чем я думал.
Потом он снова посмотрел на Дениса.
На этот раз очень серьёзно.
— Она не должна думать весь вечер о том, правильно ли держит бокал, той ли вилкой ест рыбу или соответствует ли платье правилам, о которых ей никто никогда не рассказывал.
Он сделал небольшую паузу.
— Она должна думать только об одном.
Денис поднял глаза.
— О чём?
Роберт улыбнулся.
— О тебе.
Если она рядом с тобой, всё остальное — уже твоя забота.
За столом снова стало тихо.
Денис ничего не ответил.
Он только долго смотрел в свою кружку.

Потом поднял взгляд на Оливию.

Она смеялась над очередной историей Роберта, совершенно не подозревая, почему оба мужчины вдруг замолчали.

Роберт заметил этот взгляд.

Едва заметно улыбнулся.

И больше к этому разговору не возвращался.

Глава 12

Город, который хранит мечты

Лондон встретил субботнее утро неожиданным солнцем.

Такое здесь случалось редко.

После недели дождей город словно решил извиниться перед своими жителями.

Солнечные лучи скользили по мокрым мостовым, отражались в стеклянных фасадах домов, золотили купола старых церквей, а Темза казалась совсем другой — спокойной, почти праздничной.

Оливия открыла окно.

Свежий ветер сразу ворвался в квартиру, пахнув рекой, кофе и только что испечённым хлебом.

Из кухни доносился знакомый запах тостов.

Денис уже хозяйничал у плиты.

— Доброе утро, Лисёнок.

— Доброе...

Она подошла к нему и обняла со спины.

— Чем пахнет?

— Английским завтраком.

Она заглянула через его плечо.

— Господи...

Опять фасоль...

Денис рассмеялся.

— Ты никогда её не полюбишь.

— Никогда.

— А бекон?

— Люблю.

— Тосты?

— Люблю.

— Яичницу?

— Люблю.

— Тогда фасоль можешь оставить мне.

— С удовольствием.

Они засмеялись.

За завтраком разговор всё время возвращался к Роберту.

Оливия снова пыталась повторить его знаменитое:

— Guid evenin', Seve'rin!

Получилось настолько забавно, что Денис едва не подавился чаем.

— Нет...

Он покачал головой, смеясь.

— Если Роберт это услышит, он решит, что ты оскорбила всю Шотландию.

— Неужели всё настолько плохо?

— Намного хуже.

— Тогда научи меня.

Денис честно попытался произнести несколько шотландских слов.

Через пять минут они оба уже смеялись так громко, что сосед снизу несколько раз постучал по батарее.

— Всё.

Я сдаюсь.

— Нет, — улыбнулся Денис. — Просто для шотландского акцента нужно родиться где-нибудь между Эдинбургом и Атлантическим океаном.

— Или рядом с Робертом.

— Это ещё сложнее.

Оливия улыбнулась.

— Знаешь...

Мне кажется, он замечательный.

— Он такой и есть.

Денис на секунду замолчал.

Потом тихо добавил:

— Настоящий.

Она кивнула.

Именно это слово подходило Роберту больше всего.

Настоящий.

Не пытающийся казаться лучше.

Не играющий никакой роли.

Он был похож на северный ветер — шумный, свободный и абсолютно честный.

После завтрака Денис поставил чашку в раковину.

Вытер руки полотенцем.

Посмотрел на часы.

— Собирайся.

— Уже?

— Да.

— Куда мы идём?

Он улыбнулся той самой улыбкой, которую Оливия уже научилась узнавать.

Так он улыбался, когда готовил сюрприз.

— Покажу тебе ещё одно место.

— Опять сюрприз?

— Конечно.

— Денис...

Это нечестно.

— Почему?

— Потому что ты никогда ничего не рассказываешь заранее.

— Если рассказать заранее, это уже не сюрприз.

Она вздохнула.

— Ладно.

Но если ты снова поведёшь меня есть фасоль...

Я уеду обратно в Россию.

— Нет.

Сегодня всё будет гораздо интереснее.

Он помог ей надеть пальто.

По привычке поправил выбившуюся рыжую прядь.

Взял её за руку.

И они вышли из дома.

Лондон жил своей субботней жизнью.

На улицах было гораздо больше людей, чем обычно.

Уличные музыканты уже играли возле станции метро.

Цветочницы расставляли букеты.

Город улыбался.

Оливия крепче сжала ладонь Дениса.

— Ну скажи хотя бы...

Это далеко?

Он посмотрел на неё с улыбкой.

— Совсем нет.

Она прищурилась.

— Ты опять ничего не скажешь?

— Нет.

— Даже маленький намёк?

— Хорошо.

Он сделал вид, что задумался.

— Это место...

Где люди приходят не только покупать.

Но ещё и мечтать.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Магазин?

Денис загадочно улыбнулся.

— Сейчас увидишь.

И, взяв её за руку, уверенно повёл через оживлённые улицы Лондона туда, где за тяжёлыми дверями старого здания начинался совсем другой мир.

Глава 13

Harrods

Субботный Лондон был совсем не похож на будни.

Город словно снимал строгий деловой костюм и становился легче.

На улицах было шумно.

Уличные музыканты играли джаз возле станции метро, у кофеен выстраивались очереди, красные двухэтажные автобусы неторопливо скользили вдоль старинных фасадов, а туристы, подняв головы, фотографировали здания, мимо которых сами лондонцы проходили каждый день, даже не замечая их.

Оливия крепче сжала ладонь Дениса.

Ей нравилось идти рядом с ним.

Он почти никогда не рассказывал заранее, куда они идут.

Каждая прогулка превращалась в маленькое путешествие.

— Ну хоть намёк, — снова попросила она.

— Нет.

— Это нечестно.

— Очень даже честно.

— Почему?

— Потому что тогда ты удивишься.

Она тихо рассмеялась.

— Ты неисправим.

— Есть немного.

Они свернули на Бромптон-роуд.

Впереди показалось огромное здание с зелёными маркизами и золотыми буквами на фасаде.

Оливия остановилась.

— Harrods?

Она слышала это название.

Наверное, как слышал его любой человек.

Но представить себе не могла, что знаменитый универмаг окажется настолько огромным.

Денис посмотрел на неё с лёгкой улыбкой.

— Готова?

— Мы правда туда идём?

— Конечно.

— Но...

Разве это не магазин для очень богатых людей?

Он рассмеялся.

— Сейчас ты поймёшь одну вещь.

— Какую?

Он открыл перед ней тяжёлую вращающуюся дверь.

— Harrods давно перестал быть просто магазином.

Оливия переступила порог и замерла.

На несколько секунд ей показалось, что она случайно попала не в универмаг, а в какой-то сказочный дворец.

Под ногами мягко пружинил ковёр цвета тёмного вина. Полированные колонны уходили вверх, поддерживая расписные потолки, с которых свисали огромные хрустальные люстры. Повсюду сияли витрины, но ни одна не пыталась перекрыть другую. Всё вокруг было уди-

вительно гармоничным, словно каждый предмет здесь занимал своё место уже много десятилетий.

В воздухе смешивались ароматы дорогого кофе, свежей выпечки, парфюма и цветов.

Где-то совсем рядом негромко играло фортепиано.

Люди не спешили.

Они гуляли.

Разговаривали.

Рассматривали витрины.

Будто пришли сюда не покупать вещи, а просто провести день.

— Господи... — тихо выдохнула Оливия. — Как здесь красиво...

Денис с улыбкой наблюдал за ней.

Именно такой реакции он и ждал.

— Ну что? Всё ещё думаешь, что это обычный магазин?

Она медленно покачала головой.

— Нет...

Она повернулась вокруг себя, стараясь охватить взглядом всё сразу.

— Это... даже не знаю...

Музей?

Денис довольно улыбнулся.

— Вот именно.

Harrods — это давно уже не торговый центр.

Это часть Лондона.

Сюда приходят не только за покупками.

Сюда приходят вдохновляться.

Мечтать.

Любоваться.

Показывать детям рождественские витрины.

Пить чай.

Гулять.

Он посмотрел вверх, туда, где под стеклянным куполом переливался солнечный свет.

— Знаешь... когда мне было шестнадцать, отец впервые привёл меня сюда.

Я тогда тоже думал, что мы просто зайдём в магазин.

Оливия улыбнулась.

— И?

— Через час понял, что потерялся.

Она звонко рассмеялась.

— Серьёзно?

— Абсолютно.

Я был уверен, что прекрасно запомнил дорогу.

А потом оказалось, что уже третий раз прохожу мимо одного и того же фонтана.

— И как ты выбрался?

— Никак.

Меня нашёл отец.

— Представляю...

— Нет, не представляешь.

Он смеялся надо мной ещё неделю.

Они медленно пошли дальше.

Каждый новый зал был не похож на предыдущий.

Где-то стены были отделаны тёплым дубом, где-то переливались золотой мозаикой, где-то высокие арки напоминали восточный дворец.

— Кажется, здесь можно прожить целую жизнь, — тихо сказала Оливия.

— Некоторые так и говорят.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Если каждый день открывать для себя хотя бы один новый уголок Harrods, понадобится несколько месяцев, чтобы увидеть всё.

— Неужели здесь действительно столько всего?

— Даже больше.

Они поднялись по широкой лестнице.

Оливия всё время оглядывалась по сторонам.

Иногда останавливалась возле витрин.

Иногда просто любовалась потолками.

Её восхищало буквально всё.

Денис посмотрел на неё с улыбкой.

— Именно это я и хотел, чтобы ты почувствовала.

Для большинства туристов Harrods — самый известный магазин Лондона.

Для самих англичан — часть истории города.

А для меня...

Он на мгновение задумался.

— Это место, где красота живёт совершенно естественно.

Оливия подняла на него глаза.

— Поэтому ты привёл меня сюда?

Он улыбнулся.

— Поэтому.

Потому что я очень хотел показать тебе Лондон, о котором не пишут в путеводителях.

Лондон, в который влюбляются не сразу.

Но навсегда.

Они ещё долго гуляли по этажам, пока Денис вдруг не остановился.

— Пойдём.

Я хочу показать тебе ещё одно место.

— Что?

Он улыбнулся совсем по-другому.

Тише.

Словно собирался познакомить её с чем-то очень личным.

— Историю одной любви.

И, взяв Оливию за руку, медленно повёл её в глубину огромного здания.

Денис неожиданно свернул в один из боковых залов.

Здесь стало заметно тише.

Исчезли яркие витрины, шум голосов остался где-то позади.

Они остановились перед большим стеклянным павильоном.

За стеклом, среди белых лилий и фотографий, мерцали огоньки свечей.

Оливия невольно замедлила шаг.

— Это...

Денис кивнул.

— Мемориал Дианы и Доди Аль-Файеда.

Несколько секунд они просто молчали.

На фотографиях принцесса Диана улыбалась так же тепло, как её помнил весь мир.

Рядом — Доди.

Молодой.

Счастливый.

Полный жизни.

Под стеклом лежали цветы, письма, фотографии.

Казалось, люди продолжали приносить их сюда даже спустя годы.

— После их гибели, — тихо сказал Денис, — отец Доди, Мохамед Аль-Файед, сохранил это место. Он очень любил сына. И хотел, чтобы люди помнили их не только по трагедии... но и по любви.

Оливия долго смотрела на фотографии.

— Получается... Harrods хранит не только историю Англии.

— Да.

Он улыбнулся едва заметно.

— Он хранит человеческую память.

Она перевела взгляд на Дениса.

— Наверное, это страшно...

Так любить человека, чтобы спустя столько лет продолжать разговаривать с ним.

Денис не ответил сразу.

Он тоже смотрел на мемориал.

— Наверное, ещё страшнее... однажды забыть.

Они постояли ещё немного.

Не потому, что так было принято.

Просто уходить сразу почему-то не хотелось.

Потом Денис осторожно коснулся её ладони.

— Пойдём.

Оливия молча кивнула.

Они снова оказались в шумном, залитом светом Harrods.

Будто только что вышли из небольшого музея памяти обратно в живой город.

Несколько минут они шли молча.

Каждый думал о своём.

И вдруг...

Оливия остановилась.

Настолько резко, что Денис успел сделать ещё несколько шагов.

Он обернулся.

— Лисёнок?

Она не ответила.

Только медленно подняла руку.

И показала вперёд.

В самом центре бутика Valentino...

Стояло платье.

Нет.

Оно не просто стояло.

Оно царило.

Высокий подиум, мягкий свет софитов, отражавшийся в тысячах алых кристаллов, длинный струящийся силуэт — всё вокруг будто существовало только для того, чтобы подчеркнуть его красоту.

Оно было глубокого вишнёво-алого цвета.

Цвета закатного солнца.

Цвета спелой черешни.

Цвета любви, которая не боится быть увиденной.

Казалось, платье было соткано не из ткани.
Из света.
Оливия смотрела на него, забыв обо всём.
О людях.
О разговорах.
О самом Harrods.
В тот момент огромный универмаг перестал существовать.
Оно было центром вселенной.
Денис молчал.
Он не смотрел на платье.
Он смотрел на неё.
На то, как в её изумрудных глазах отражались тысячи алых огней.
На выражение лица, которого никогда раньше не видел.
В этот момент ему вдруг стало совершенно неважно, сколько стоит это платье, кто его
создал и какое имя написано на табличке у входа в бутик.
Он понял только одно.
Оливия не любовалась дорогой вещью.
Она любовалась красотой.
И именно за это он любил её ещё сильнее.
Она сделала шаг вперёд.
Потом ещё один.
Остановилась почти у самой витрины.
Совсем близко.
Но так и не переступила порог бутика.
Только тихо сказала, почти шёпотом:
— Иногда достаточно просто знать, что такие вещи существуют.
Денис ещё несколько секунд смотрел на неё.
Потом едва заметно улыбнулся.
И спокойно направился к консультанту.

Глава 14

Дорога на юг

Утро началось тихо.

Лондон ещё не успел проснуться окончательно, но за окнами уже светлело. На мокрых крышах лежал тонкий серебристый блеск, по пустой улице проехало первое такси, где-то внизу хлопнула дверь булочной.

Оливия стояла у окна босиком и смотрела на город.

Денис ещё спал.

Она обернулась.

Он лежал на боку, положив руку под щеку, и выглядел таким спокойным, что у неё вдруг сжалось сердце.

Она тихо подошла к кровати.

Села рядом.

Осторожно провела пальцами по его тёмным волосам.

Денис не проснулся.

Только чуть заметно улыбнулся во сне.

Оливия опустила взгляд.

Медленно положила ладонь на живот.

Там ещё ничего не изменилось.

Ничего не было видно.

И всё же мир уже стал другим.

Она знала это со вчерашнего утра.

Две тонкие полоски на маленьком белом тесте до сих пор стояли перед глазами.

Она хотела сказать ему сразу.

Потом решила — вечером.

Потом — после Harrods.

Потом — утром.

Но каждый раз слова останавливались где-то внутри.

Не от страха.

От огромности этого счастья.

Его нужно было произнести правильно.

В самый нужный момент.

Денис пошевелился.

Открыл глаза.

— Лисёнок...

Она быстро убрала руку.

— Доброе утро.

Он улыбнулся.

— Ты чего не спишь?

— Смотрела на Лондон.

— И как он тебе сегодня?

Она снова посмотрела в окно.

— Добрый.

Денис приподнялся на локте.

— Значит, день будет хороший.

Она улыбнулась.

— Очень.

Через час они уже выезжали из города.

Денис вёл машину спокойно, уверенно, одной рукой держал руль, другой иногда касался её пальцев, лежавших на колене.

На заднем сиденье лежали их сумки.

И большая коробка, аккуратно убранный под дорожный плед.

Оливия её не заметила.

Она смотрела в окно.

Лондон уходил постепенно.

Сначала исчезли плотные кварталы.

Потом знакомые красные автобусы стали попадаться всё реже.

Потом стекло, камень и шум большого города уступили место низким домам, зелёным изгородям и бесконечному английскому небу.

— Денис...

— М-м?

— Это всё ещё Англия?

Он усмехнулся.

— А что, уже сомневаешься?

— Просто она совсем другая.

За окном тянулись поля.

Мягкие, зелёные, словно их кто-то гладил ладонью.

По склонам холмов рассыпались белые овцы, такие маленькие из окна машины, будто кто-то небрежно раскидал по траве пушистые клубки шерсти.

Каменные изгороди делили землю на неровные квадраты.

Узкие дороги петляли между деревьями.

Маленькие деревушки появлялись неожиданно — несколько старых домов, церковь с серой башней, паб с деревянной вывеской, красная телефонная будка у поворота.

И снова холмы.

Зелёные.

Бесконечные.

Оливия приоткрыла окно.

В салон ворвался свежий воздух.

Он пах травой, влажной землёй, листьями и чем-то далёким, солёным.

— Здесь пахнет морем, — сказала она.

— До него ещё ехать.

— Всё равно пахнет.

Денис улыбнулся.

— Значит, ты его уже чувствуешь.

Она закрыла глаза на несколько секунд.

Ветер тронул выбившиеся из хвоста рыжие пряди.

— Я думала, Англия — это Лондон.

Дождь.

Камень.

Зонты.

Метро.

— Лондон — это только одна её часть.

— А это?

Он посмотрел на дорогу.

— Это Англия, которую я хотел тебе показать.

Она молчала.

Потом тихо сказала:

— Она зелёная.

— Очень.

— Нет, Денис.

Ты не понимаешь.

Она улыбнулась.

— Здесь зелёный цвет будто существует в сотне оттенков.

Трава — один.

Холмы — другой.

Деревья — третий.

Мох на камнях — четвёртый.

А там...

Она показала рукой вперёд.

— Там вообще какой-то цвет, которого я раньше не видела.

Денис рассмеялся.

— Ты сейчас разговариваешь как художник.

— Нет.

Как человек, который всю жизнь думал, что зелёный — это просто зелёный.

Они ехали дальше.

Солнце то появлялось, то пряталось за облаками.

Когда оно выходило, поля вспыхивали мягким светом, и вся земля казалась живой.

Дорога поднималась на холм.

С вершины открылась долина.

Далеко внизу серебрилась река.

За ней тянулись леса.

А над ними стояло такое огромное небо, что Оливии вдруг стало трудно дышать.

— Останови...

Денис посмотрел на неё.

— Здесь?

— Пожалуйста.

Он съехал на небольшую площадку у дороги.

Оливия вышла из машины и сразу остановилась.

Ветер ударил в лицо.

Тёплый.

Свободный.

Она подошла к деревянной ограде и долго смотрела вниз.

— Господи...

Денис встал рядом.

— Красиво?

Она покачала головой.

— Это не то слово.

Он ничего не сказал.

Только смотрел на неё.

На её лицо.

На ветер в рыжих волосах.

На то, как она стояла перед чужой страной и будто принимала её в сердце.

И ему очень захотелось запомнить это утро.

Без причин.

Просто запомнить.

К полудню дорога стала ещё красивее.

Огромные старые деревья всё чаще наклонялись над трассой, образуя зелёные арки. Некоторые были такими древними, что казалось, выросли задолго до того, как люди придумали делить жизнь на века.

Их стволы невозможно было обхватить руками.

Кроны прятали небо.

Солнечные лучи пробивались сквозь листву тонкими золотыми полосами и ложились на дорогу.

Оливия всё время поворачивала голову то вправо, то влево.

— Денис...

— Да?

— А здесь правда живут люди?

— В основном да.

— Нет, ну серьёзно.

Он рассмеялся.

— Серьёзно.

— Просто это похоже не на место, где живут.

А на место, куда попадают.

— Куда?

Она задумалась.

— В книгу.

Денис улыбнулся.

— Значит, мы едем правильной дорогой.

Потом впереди показался Торки.

Сначала — голубая полоска моря между домами.

Потом белые фасады на склонах.

Пальмы.

Каменные набережные.

Старинные виллы.

Улицы, спускавшиеся к воде.

Оливия буквально прилипла к окну.

— Это Англия?

— Да.

— С пальмами?

— Английская Ривьера.

Она повернулась к нему.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— В Англии есть Ривьера?

— Теперь ты видишь сама.

Он ехал медленно, чтобы она успела рассмотреть город.

Торки был совсем не похож на Лондон.

Здесь всё было мягче.

Светлее.

Солнечнее.

Дома стояли на холмах, будто поднимались к небу. На старых фасадах вился плющ. За коваными оградами цвели сады. Море блестело внизу так спокойно, словно никогда не знало штормов.

— Останови ещё раз, — попросила Оливия.

Денис рассмеялся.

— Мы так не доедем.

— Доедем.

— Лисёнок...

— Пожалуйста.

Он сдался почти сразу.

Они вышли возле старой каменной стены.

Неподалёку возвышалось здание, похожее на небольшой замок: башенки, серый камень, узкие окна, плющ на стенах.

Оливия стояла перед ним, подняв голову.

— Ему сколько лет?

— Несколько сотен, наверное.

— Несколько сотен...

Она произнесла это почти шёпотом.

— У нас в Москве дом старше ста лет уже кажется историей.

А здесь...

Она провела ладонью по холодному камню стены.

— Здесь история просто стоит у дороги.

Денис подошёл ближе.

— Тебе нравится?

Она обернулась.

В глазах у неё снова было то самое выражение, которое он любил больше всего.

Восторг.

Живой.

Открытый.

Настоящий.

— Мне кажется, я могла бы здесь ходить целый день.

— Тогда нам точно нужно ехать.

— Почему?

— Потому что если я позволю тебе ходить здесь целый день, нас на гала-вечере объявят пропавшими.

Она засмеялась.

— Виктория не переживёт?

Денис усмехнулся.

— Роберт точно переживёт.

— А Виктория?

Он посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Виктория переживёт всё, что сочтёт нужным пережить.

Оливия хотела что-то спросить, но он уже взял её за руку.

— Поехали.

Впереди ещё одно место.

Дорога к Кокингтону неожиданно стала узкой.

Машина словно въехала в другой век.

Высокие деревья сомкнулись над дорогой так плотно, что солнечный свет едва пробивался сквозь листву. Их ветви переплетались, словно старые руки, державшие друг друга много столетий.

Дорога шла под тёмно-зелёным сводом.

Почти тоннелем.

Только не каменным.

Живым.

Оливия замолчала.

Даже Денис сбавил скорость.

Колёса мягко шуршали по дороге.

Где-то в ветвях пели птицы.

Воздух стал прохладнее.

Глубже.

Словно они въехали не в деревню, а в старую сказку, которую кто-то очень давно забыл закрыть.

— Денис...

— Что?

— Мы точно ещё в Англии?

— Почти.

— Почти?

Он улыбнулся.

— Сейчас начнутся владения фейри.

Она тихо рассмеялась.

— Я знала.

— Что?

— Что где-то здесь должны жить лепреконы.

— Лепреконы всё-таки ирландцы.

— А кто здесь?

Он сделал вид, что задумался.

— Аристократичные и хладнокровные эльфы.

Она посмотрела на переплетённые ветви.

— Тогда всё сходится.

Машина медленно выехала из зелёного тоннеля.

И перед ними открылась деревня Кокингтон, она казалась просто нереальной.

Низкие белые домики.

Тёмные деревянные балки.

Соломенные крыши, мягкие и золотистые, как старый мёд.

Крошечные садики у дверей.

Розы.

Плющ.

Старые каменные дорожки.

Дымок над трубой.

Оливия сидела молча.

Потом повернулась к Денису.

— Это настоящее?

Он улыбнулся.

— Да.

— Нет.

Она покачала головой.

— Так не бывает.

— Бывает.

— Денис...

— М-м?

— Если сейчас из этого домика выйдет хоббит, я даже не удивлюсь.

Он рассмеялся.

— Постараюсь не ревновать.

Они припарковались у небольшой площади.

Оливия вышла из машины и почти сразу замерла.

Здесь было тихо.

Не пусто.

Именно тихо.

Так бывает в местах, которые слишком многое видели и больше не спешат никому ничего доказывать.

Глава 15

Подарок

У одного из домиков висела деревянная вывеска.

Pottery Workshop

Из открытой двери доносился мягкий запах сырой глины.

Оливия сразу повернулась к Денису.

— Мы зайдём?

Он посмотрел на часы.

— Лисёнок...

— Пожалуйста.

— Нам нужно в поместье.

— На десять минут.

— Ты никогда не укладываешься в десять минут.

— Сегодня уложусь.

Он посмотрел на неё.

Она смотрела так, что спорить было совершенно бесполезно.

— Хорошо.

— Правда?

— Да.

— Ты лучший.

— Я знаю.

Она засмеялась и потянула его за руку внутрь.

В мастерской было тепло.

Полки вдоль стен были заставлены чашками, вазами, кувшинами, маленькими фигурками птиц и неровными мисками, в которых чувствовалась рука человека.

У окна стоял гончарный круг.

Пожилая женщина в льняном фартуке подняла голову и улыбнулась.

— Добрый день.

Денис поздоровался.

Оливия уже рассматривала всё вокруг.

— У вас здесь невероятно красиво.

Женщина улыбнулась шире.

— Спасибо, дорогая. Наша деревня сама подсказывает, что делать руками. Ей больше тысячи лет. После такого начинаешь понимать, что вещи тоже должны жить долго.

— Больше тысячи? — переспросила Оливия.

— Чуть больше.

Женщина сказала это так спокойно, будто речь шла о вчерашнем дне.

Оливия обернулась к Денису.

— Ты слышал?

— Слышал.

— Больше тысячи лет...

Она снова посмотрела на полки.

— Здесь даже кружки выглядят так, будто знают больше нас.

Денис улыбнулся.

— Некоторые точно знают.

Оливия подошла к гончарному кругу.

— А можно попробовать?

Женщина посмотрела на Дениса.

— У вас есть время?

Он хотел ответить честно.

Но увидел лицо Оливии.

И сдался.

— Есть.

— Тогда садитесь.

Через несколько минут Оливия уже сидела за кругом в большом фартуке, с аккуратно собранными в хвост рыжими волосами и совершенно серьёзным лицом.

На круг положили комок влажной глины.

Женщина показала, как смачивать руки.

Как держать ладони.

Как не давить слишком сильно.

Но стоило кругу начать вращаться, глина тут же поехала в сторону.

Оливия вскрикнула.

— Ой!

Денис рассмеялся.

— Очень уверенное начало.

— Не мешай.

— Я поддерживаю.

— Ты смеёшься.

— Это тоже форма поддержки.

Глина снова накренилась.

Пожилая женщина мягко поправила её руки.

— Глина не любит спешки.

Её нельзя заставлять.

Её нужно чувствовать.

Оливия кивнула так серьёзно, будто ей только что сообщили главный закон мироздания.

— Денис, садись.

Он удивился.

— Я?

— Да.

— Я не умею.

— Я тоже.

— Это очень убедительный аргумент.

Она оглянулась через плечо.

— Мы сделаем горшок.

— Горшок?

— Да.

— Какой?

Оливия улыбнулась.

— Наш.

Он на секунду замолчал, улыбнулся и подумал про себя.

— Как раз своего горшка у меня еще не было.

Потом снял пиджак, закатал рукава и сел позади неё.

Места было мало.

Его грудь почти касалась её спины.

Он накрыл её ладони своими.

Гончарный круг снова начал вращаться.

Глина была холодной.
Мягкой.
Живой.
Их руки медленно двигались вместе.
Сначала неуверенно.
Потом спокойнее.
Стены будущего горшка начали подниматься.
Неровные.
Тонкие.
Хрупкие.
Оливия перестала смеяться.
Денис тоже.
В мастерской стало удивительно тихо.
Только мягко шуршал круг.
Да где-то за окном пела птица.
Из хвоста Оливии выбилась тонкая рыжая прядь.
Она упала ей на щёку.
Денис осторожно убрал её запястьем, чтобы не испачкать глиной.
Потом задержал взгляд.
На её лице.
На ресницах.
На улыбке, которая едва касалась губ.
На её руках под своими ладонями.
Он хотел запомнить это.
Тёплый свет у окна.
Запах сырой глины.
Рыжую прядь у виска.
Её тихое дыхание.
И свои испачканные в глине руки поверх её рук.
— Денис...
— М-м?
Она не сразу сказала.
Круг продолжал вращаться.
Глина под их ладонями медленно вытягивалась вверх.
— У меня есть для тебя кое-что.
Он улыбнулся ей в волосы.
— Ещё один сюрприз?
— Да.
— Хороший?
Она закрыла глаза.
— Очень.
Он почувствовал, как её пальцы чуть дрогнули под его ладонями.
— Лисёнок?
Она повернула голову.
Не полностью.
Только чуть-чуть.
Так, чтобы он видел её профиль.
— Кажется...
Она сделала вдох.

— У нас будет ребёнок.
Гончарный круг продолжал вращаться.
Глина ещё несколько секунд послушно держалась между их руками.
Потом Денис перестал двигаться.
Совсем.
— Что?
Она осторожно повернулась к нему.
Глаза блеснули.
Не от страха.
От счастья, которое было слишком большим.
— Я сделала тест вчера утром.
Он смотрел на неё.
Молча.
Так долго, что она успела испугаться.
— Денис...
— Правда?
Она кивнула.
— Правда.
Он медленно опустил взгляд.
На её лицо.
На живот.
Потом очень осторожно обнял её.
Так осторожно, будто она сделана из света.
Оливия тихо засмеялась сквозь слёзы.
— Ты молчишь.
Он прижал её к себе крепче.
— Я боюсь сказать что-нибудь не то.
— Скажи что-нибудь своё.
Он закрыл глаза.
Коснулся губами её виска.
— Лисёнок...
У нас будет малыш.
Она заплакала.
Улыбаясь.
Он тоже улыбался.
Тихо.
Почти неверяще.
Потом вдруг посмотрел на глину.
Горшок вышел кривоватым.
Немного неровным.
Одна сторона была выше другой.
Оливия тоже посмотрела.
И рассмеялась.
— Он ужасный.
Денис покачал головой.
— Нет.
— Денис...
— Он прекрасный.
— Он кривой.

— Зато наш.

Пожилая женщина, всё это время деликатно занимавшаяся чашками у дальней полки, подошла ближе.

Посмотрела на их руки.

На глину.

На лица.

И тихо улыбнулась.

— Такие вещи всегда получаются неидеальными.

Зато живыми.

Оливия посмотрела на Дениса.

— Мы заберём его?

— Конечно.

— Правда?

— Обязательно.

Женщина кивнула.

— Его нужно высушить и обжечь. Я могу отправить вам позже.

Денис достал визитку.

— В Лондон.

— Конечно.

Оливия ещё раз посмотрела на неровный маленький горшок.

Потом тихо сказала:

— Пусть это будет горшок нашей любви.

Денис улыбнулся.

— Нашей семьи.

Она подняла на него глаза.

И больше ничего не сказала.

Потому что иногда одно слово меняет всё.

Когда они вышли из мастерской, Кокингтон казался ещё светлее.

Или, может быть, это изменился не он.

Оливия шла медленно.

Денис держал её за руку так крепко, будто боялся отпустить даже на секунду.

— Ты теперь будешь так держать меня всю дорогу? — спросила она.

— Да.

— Денис...

— Я врач.

— И что?

— Теперь я официально назначаю тебе режим повышенной осторожности.

Она рассмеялась.

— Уже началось.

— Ещё даже не началось.

— Мне страшно.

— Правильно.

Он остановился.

Повернулся к ней.

— Я теперь буду невыносимым.

— Ты и раньше был.

— Теперь вдвойне.

Она поднялась на цыпочки и поцеловала его.

Прямо посреди тысячилетней деревни.

Под соломенными крышами.
Среди роз.
Плюща.
И старых камней.
Он обнял её.
Осторожно.
Нежно.
Ведь счастье иногда бывает таким большим, что в него страшно поверить.
До поместья оставалось совсем немного.
Дорога снова ушла под тёмные деревья.
Солнце уже клонилось ниже, и зелёные кроны казались почти чёрными на фоне золотого света.

Аллея стала шире.
По обе стороны тянулись старые дубы.
Их ветви переплетались над машиной, создавая длинный живой коридор.
Оливия смотрела вперёд, не отрываясь.
— Денис...
— Да?
— Это место точно настоящее?
Он улыбнулся.
— Сейчас увидишь.
Дорога сделала плавный поворот.
И впереди показалось поместье.
Каменное.
Старинное.
С высокой крышей, узкими окнами, башенками и стенами, увитыми плющом.
Оно стояло среди огромного парка так спокойно и величественно, будто давно привыкло к тому, что люди приезжают, уходят, любят, страдают, стареют, а оно остаётся.
На лужайках уже ставили белые шатры.
У входа суетились флористы.
Кто-то развешивал гирлянды.
По гравийной дорожке медленно проходили люди в тёмных костюмах.
Где-то вдалеке проверяли звук музыканты.
Оливия смотрела на всё это широко раскрытыми глазами.
— Это здесь?
— Да.
— Гала-вечер?
— Да.
Она медленно повернулась к нему.
— Денис...
Он улыбнулся.
— Что?
— Я теперь понимаю, почему Роберт спрашивал про Black Tie.
Денис рассмеялся.
— Роберт редко бывает неправ.
— Это пугает.
— Меня тоже.
Машина остановилась у входа.
Денис заглушил двигатель.

Несколько секунд они просто сидели молча.

Между ними было столько нового, что старые слова уже казались маленькими.

Потом Оливия посмотрела на него.

— Ты рад?

Он повернулся к ней сразу.

— Лисёнок...

Он взял её лицо в ладони.

— Я не знаю, как это сказать.

— Скажи как есть.

Он тихо улыбнулся.

— Я счастлив.

Она закрыла глаза.

И в этот момент ей показалось, что больше в жизни ничего не нужно.

Ни поместья.

Ни гала-вечера.

Ни красивых платьев.

Ни чужого мира, в который ей предстояло войти вечером.

Только он.

Его руки.

Его глаза янтарного цвета.

И понимания того, что теперь их стало больше, чем двое.

Денис вышел из машины.

Обошёл её.

Открыл дверь и подал руку.

Оливия вложила свои пальцы в его ладонь.

И они вместе пошли к старому английскому дому, где уже зажигались первые огни предстоящего вечера.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.